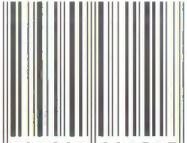

Шмель Анинка

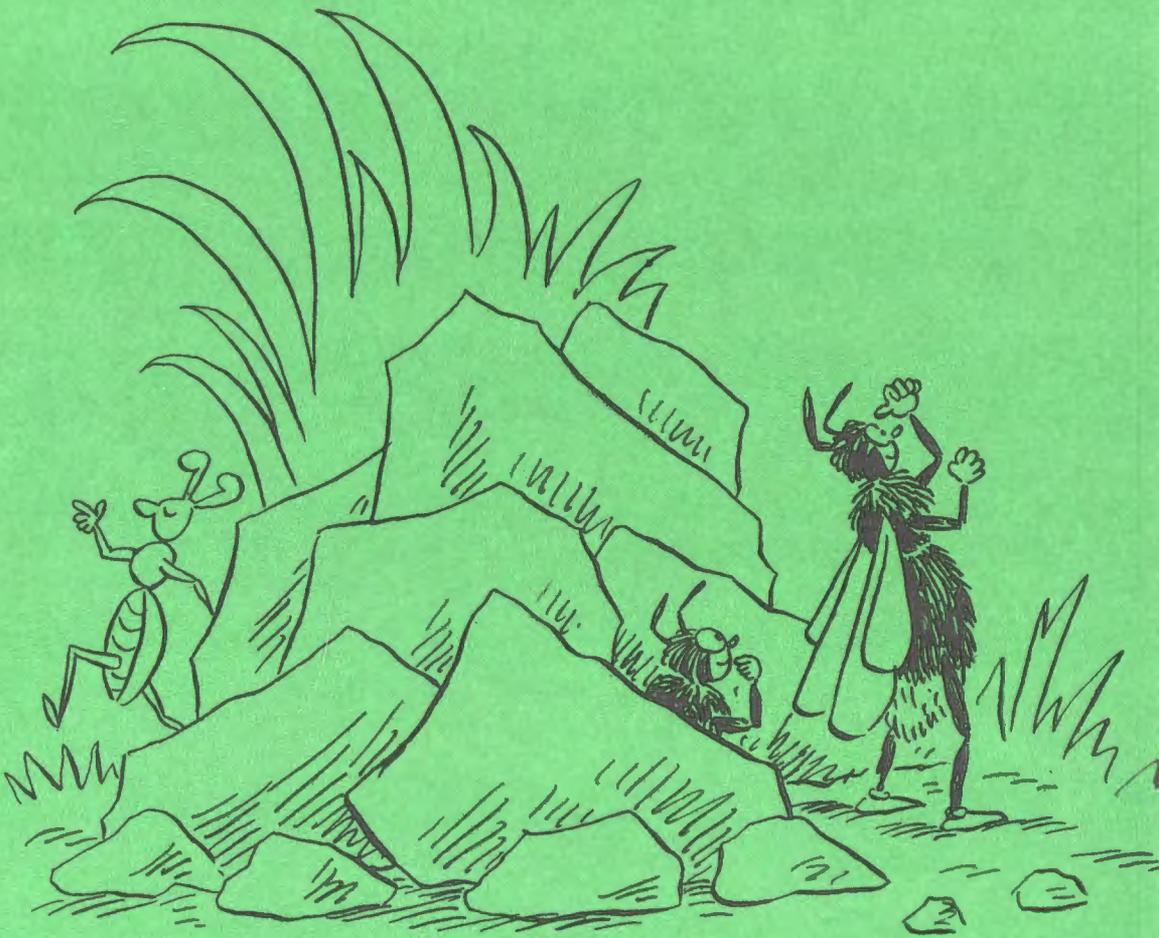
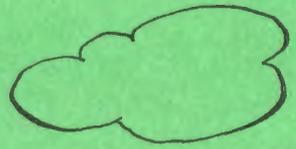
ISBN 978-5-00108-151-7

9 785001 081517

1302

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА

ОНДРЖЕЙ СЕКОРА

Шмель Анинка

Рисунки автора

Перевод с чешского О. Акбулатовой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2018

УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)
С28

Ondřej Sekora Čmelák Aninka

Секора, О.

С28 Шмель Анинка / Ондржей Секора ; пер. с чеш. О. Акбулатовой ; рис. авт. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2018. — 144 с. : ил.

ISBN 978-5-00108-151-7

У шмелиной маменьки Анинки много забот: найти подходящее место для гнезда, создать там уют для будущих шмелят, а ещё эти приставучие мальчишки так и норовят поймать её!

Но умница Анинка со всем справляется: ведь мир не без добрых людей и... насекомых.

Ещё одна книга Ондржея Секоры о жизни насекомых с забавными авторскими иллюстрациями.

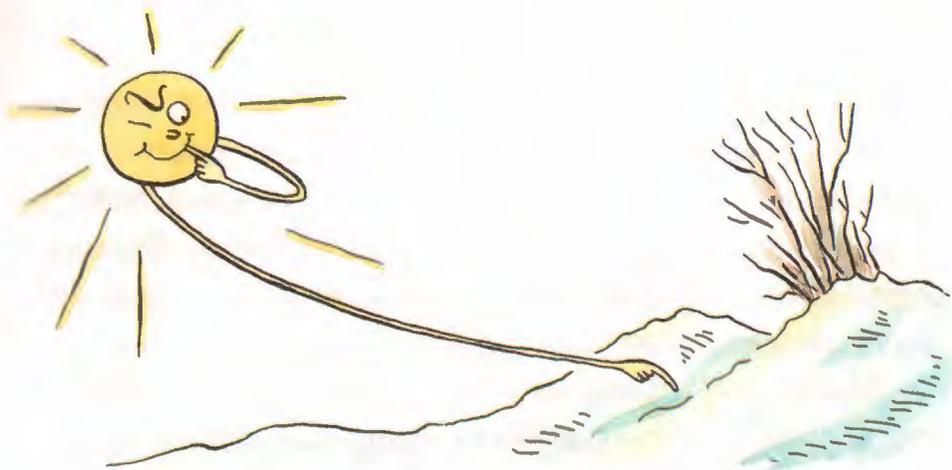
**УДК 821.162.3
ББК 84(4Чеш)**

ISBN 978-5-00108-151-7
Мы любим бумажные книги

© Ondřej Sekora — Dagmar Sekorova, text
and illustrations, 2018

© О. Акбулатова, перевод, 2018

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2018

ПОЯВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО НАСЕКОМОГО

Зимний сон, или Как всё начиналось

Снаружи было очень холодно, стоял трескучий мороз. Вокруг никакого движения, нигде ни единого писка, лишь под искрящимся снегом, даже не под снегом, а под землёй, в мягкой мышинной норке вдруг что-то шевельнулось. Это что-то было маленьким, кругленьким, сереньким, ну, короче говоря, это была молоденькая мышка, которая на минутку пробудилась от зимнего сна. Она протёрла глазки, потянув носиком воздух, насторожилась и дёрнула мамочку за ухо.

— Мама, — зашептала она тихонько, — здесь что-то пахнет, по-моему, мёдом. Ты не чувствуешь?

— Да ну тебя, — пробормотала мама сквозь сладкий сон, — лучше ложись и спи дальше!

Маленькая мышка зарылась поглубже в норку, прижалась к маме и продолжила спать. Однако через какое-то время она снова проснулась и потянула мамочку за другое ухо.

— Мама, — зашептала она уже чуть громче, — здесь правда что-то пахнет мёдом. Знаешь, я, пожалуй, попробую докопаться.

— Да брось ты, — опять пробормотала мама сквозь сладкий сон. — Зачем тебе копать? Ещё напорешься на что-нибудь. Лучше ложись и спи дальше.

Маленькая мышка зарылась поглубже в норку, прижалась к маме и продолжила спать. Проспав немного дольше, она снова проснулась и потянула мамочку за хвостик.

— Мама, — зашептала она ещё громче, — здесь на самом деле что-то пахнет мёдом. Знаешь, я всё-таки выкопаю это и съем. Мама! Слышишь? Мама, хватит спать! — будила она маму.

Мама вздрогнула, быстро протёрла глаза, понюхала воздух со всех сторон.

— Детка, — обрадовалась вдруг мама. — Не надо ничего копать. Ведь уже весна. Сейчас мы быстренько выберемся из норки, увидишь, снаружи будет полно еды.

Снаружи действительно была настоящая весна. Светило солнце, из земли повсюду пробивались молодые ростки, рядом находилось поле, совсем

недавно засеянное вкусным зерном, короче говоря, для мышек и правда было везде полно еды.

Мышки выскочили и тут же забыли о зиме, которую сладко проспали в своей норке. Выбежав наружу, наслаждались едой и тёплой весной. Но через некоторое время маленькая мышка завертела носом, потянула воздух и — опля! — назад в старую мышиную норку и начала копать. Всю зиму здесь чувствовался запах мёда. Всё-таки хотелось до него добраться. И она принялась за работу. Копала, копала, и на тебе — неожиданно глиняная стена перед ней рассыпалась, и... мышка оказалась в чужом чёрном дупле! Запах был такой, словно мышь сунула свой нос прямо в мёд. И в тот же момент раздалось грозное жужжание. Потом показали два чёрных глаза, огромных, как тележные колёса, за ними — меховая шубка, блеснули крылья и — вззз-бззз — мышка не успела оглянуться, как наружу вылетел большой, толстый шмель. Такой красивый, с жёлтыми полосками и белой попкой. Он покружил над норкой, пожужжал и улетел.

— Жаль, — с грустью вздохнула мышка. — Жаль, что я зимой его не выкопала. Могла бы полакомиться.

Но поздно было вздыхать, и мы рады, что всё случилось именно так. Если бы мышка нашла шмеля в его зимнем убежище, она бы его точно съела. Вот тогда было бы действительно жаль, потому что каждый шмель приносит большую пользу.

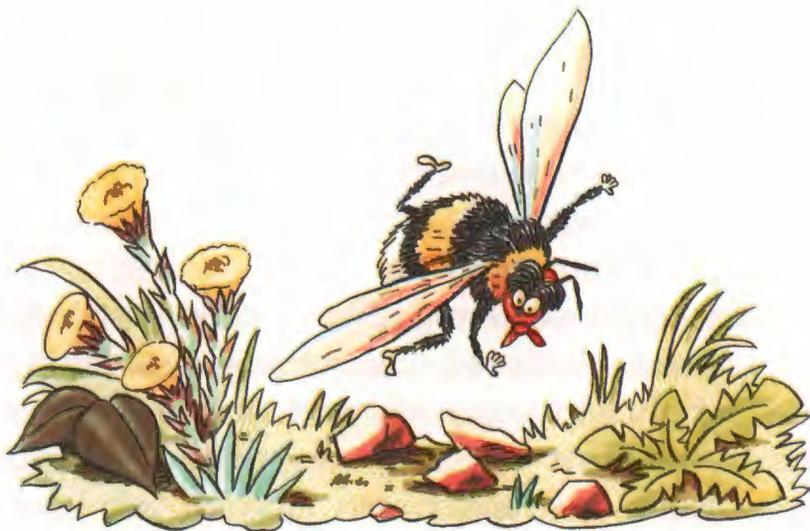
О ТОМ, КАК КРАСИВО БЫЛО СНАРУЖИ, И О ЧЕТЫРЁХ УЧЕНИКАХ

Хорошо, что шмель улетел. Снаружи его приветствовала прекрасная, ослепительная, цветущая весна. Всё вокруг благоухало, всё пело, и шмель тоже изо всех сил жужжал в унисон. Он так радовался, что уже проснулся, так радовался, что сможет найти какую-нибудь еду.

— Иди к нам, у нас есть мёд! — кричали ему со всех сторон распустившиеся цветы. Шмеля не надо было долго уговаривать. Он садился на самые красивые, самые роскошные цветы и быстро высасывал их сок, с головой погружаясь хоботком в цветок так глубоко, что через минуту становился жёлтым от пыльцы, которую, пока лез вниз, собрал с жёлтых тычинок.

Ну красавец! Ну ты и выглядишь! Весь в пыльце, с тебя даже сыплется. Наверно, сейчас пойдёшь умываться, да?

Нет, шмель не отправился умываться. Как только он утолил первый голод, опустил вниз

и — вззз-вззз-вззз — стал летать низко над землёй. Туда, сюда, чуть дальше, всё время над землёй, постоянно что-то искал, искал в траве и камнях.

Это выглядело довольно странно.

— Господин, что вы ищете? Вы что-то потеряли? — прибежало только что родившееся солнышко. — Я уже почти целый день на свете, может, я могу помочь?

Но шмель молчал, никому не отвечал, только летал низко над землёй с места на место и продолжал что-то искать.

«Наверно, он потерял что-нибудь ценное. Присоединюсь, пожалуй, к нему, вдруг найду что», — подумал жадный комар и пустился вслед за шмелём.

Некоторое время спустя, что-то заподозрив, к ним присоединились другие комары, и вскоре их за шмелём уже летала целая туча. Все надеялись найти нечто ценное. Шмель же продолжал летать низко над землёй с места на место и всё

искал, искал, ничего вокруг себя не замечая, ни комаров, ни мальчишек.

Ни мальчишек.

Так настойчиво искал.

Что? Мальчишек не видел? Вот тебе и раз! Ведь здесь и правда близко мальчишки, они увидели шмеля и бросились за ним, ура! Поймаем шмеля! Такие мальчишки приставучие, ничего не пропустят, и шмеля, конечно, тоже.

Их было четверо. Они уже пытались набросить на шмеля кепку и шарф, но шмель ускользал. Но теперь, теперь бедняга запутался в траве, похоже, ему конец, настал его последний час. Мальчишки уже нависли над ним, их руки шарят в траве, шмель даже почувствовал прикосновение их пальцев. «Ребята, идите отсюда! Я вам не сделал ничего плохого! Почему бы вам не оставить меня в покое?» Шмель в отчаянии зарывался всё глубже в траву, и тут — ура! Наткнулся на пустой домик улитки. Недолго думая, залез в него так глубоко, как только смог. Удалось спастись.

— Его нет! — огорчённо буркнул один из мальчишек, когда раздвинул траву и не нашёл шмеля.

— Смотрите, здесь пустой домик улитки! — воскликнул другой.

— Домик улитки? Ну-ка послушаем, может, он звенит! — предположил третий мальчишка, поднял домик и приложил его к уху.

Домик улитки звенел. Более того, шмель в раковине так дрожал от страха, что оттуда раздавался звук, похожий на трубу. Мальчишки страшно удивились.

— Ребята, он поёт! Давайте возьмём домик в школу. Вот учитель удивится! — развеселился четвёртый мальчик. — Он такого ещё не слышал!

— Да, отнесём в школу, — решили они. Ребята осторожно передавали домик улитки из рук в руки, восторженно прижимали его к уху, слушали, дабы удостовериться, что он всё ещё звенит, и потом торжественно понесли домик — вместе со шмелём — в школу показать учителю.

Что рассказал господин учитель, и как шмель получил имя

Все мальчики и девочки в классе затаили дыхание от любопытства, когда господин учитель Ворона приложил пустую раковину к уху. Что скажет учитель? Что ему откроется? Сейчас всё станет ясно.

Господин учитель минуту внимательно слушал и, слегка прикрыв глаза, улыбался, как бы говоря: «Нет, ребята, меня вам не удастся провести». Потом он часто заморгал, взял из ящика стола пинцет (такие тоненькие длинненькие щипчики), запустил его внутрь раковины — и таинственный музыкант оказался снаружи.

— Ребята, — учитель осторожно поднял вверх шмеля пинцетом, — вот он, музыкант. Посмотрите внимательно. Ведь это герой наших полей Шмель! Наш настоящий друг. Сейчас я вам кое-что о нём расскажу, вот только определю его в безопасное место.

Господин учитель Ворона был, между прочим, ещё и пчеловод. Он взял маленькую сеточку, которой накрывают пчелиную королеву (сеточка была похожа на перевёрнутую коробочку с ситечком), прикрыл ею шмеля и положил на подоконник у открытого окна.

— Будьте любезны, ваше шмелиное благородие, — учтиво поклонился учитель, — устраивайтесь поудобнее, здесь на свежем воздухе вам будет хорошо, и не хмурьтесь так. Мы сейчас будем говорить о вас. — И с этими словами господин учитель повесил на доску плакат.

— Что это? — спросил он учеников.

— О-о-ох, — с удивлением вздохнули одни, как это бывает в школе.

— Гм-м-м, — разочарованно хмыкнули другие. Но никто не вызвался отвечать.

Наконец всё-таки встала отличница Аделка Свистулькина, которая всегда всё знала и всегда была готова ответить. Своим высоким голосом она произнесла:

— Это называется, это называется, на картинке мы видим клевер.

— Да, Аделка, правильно, это клевер, красный клевер, — подтвердил господин учитель. — Цветок красного клевера — это маленький заколдованный замок со множеством башенок. И в каждой башенке, которую вы видите на цветке, спрятано сокровище. (На доске действительно висел плакат с изображением красного клевера и увеличенного

цветка-башенки в разрезе, чтобы каждый мог увидеть, как эта башенка выглядит.) В тонких тычинках, в длинном, почти закрытом коридоре, находится жёлто-золотой порошок — пыльца, самое дорогое, что даёт цветок после раскрытия. А сейчас слушайте внимательно. Если тому, кто отправляется к цветку за сладким соком нектара, удастся вынести этот золотой клад из башенки, перенести его в другой цветок клевера и насыпать в волшебную коробочку, то в коробочке родится семечко клевера. Слышите, семечко клевера. Что тебе, Аделка Свистулькина?

Прилежная ученица Аделка Свистулькина, которая уже изо всех сил тянула руку, встала и сказала своим очень высоким голосом:

— Это называется опыление.

— Да, ты всё правильно сказала. Молодец! Если жёлто-золотая пыльца с одних цветов переносится на другие, как было сказано, действительно цветы опыляются. Но, Аделка, позволь мне договорить. У красного клевера опыление происходит довольно трудно. Множество крылатых рыцарей стремятся попасть в башенки клевера, о да! Героические жучки в блестящих доспехах, лёгкие пчёлки, осы с серебристыми крылышками, мушки, увенчанные золотыми коронками, — все стараются добыть сладкий сок, но не могут. У них не получается. А знаете почему?

Аделка Свистулькина, которая всегда всё знает, быстро вскочила, набрала воздуха и... ничего не сказала. Даже она не знала, почему.

— Потому, — громким голосом произнёс господин учитель Ворона со своего возвышения, — что у них слишком короткий хоботок. Только шмель может с этим справиться, ведь именно у него такой хоботок, с помощью которого он по длинному узенькому коридорчику подбирается к нектару на дне ба-шенки цветка клевера. Трещалкин, спрячь язык, всё равно, как шмель, ты не сможешь. И когда шмель своим длинным языком — вернее, хоботком — достаёт сладкий сок, на него всегда попадает немного золотого порошка с тычинок, и он переносит его на другие цветы клевера. И если шмель занёс туда пыльцу, значит, появятся семена. Слышите? Семена клевера. Именно поэтому шмель — герой наших полей: если бы его не было, у нас, возможно, не было бы никаких семян клевера лугового. Только шмель обладает соответствующим хоботком, поэтому он и летит на клевер, и мы сейчас сможем посмотреть на это вблизи.

Господин учитель взял пинцет, увеличительное стекло и с важным видом направился к окну. Все ученики последовали за ним, а половина из них пыталась высунуть языки как можно дальше, чтобы попробовать, получится ли у них, как у шмеля. Однако господин учитель, подойдя к окну, замер. Сеточка на окне была пуста.

— Как так? — произнёс он в замешательстве. — Сеточка пуста и шмеля здесь нет? Но он ведь только что был! Что случилось?

Ученики молча, с вытаращенными глазами, а некоторые еще и с вы-

сунутыми языками, смотрели на пустую сеточку. И лишь Аделка Свистулькина, которая всегда всё знала, подняла руку и высоким голосом произнесла:

— Я хочу ответить. Я думаю, шмель улетел.

Да. Гм! Ну конечно! Кто бы мог подумать? Действительно улетел.

Аделка Свистулькина опять ответила абсолютно правильно. Шмель, неблагодарный, пока господин учитель его расхваливал, в самом деле улетел. Никто не знает, каким образом он приподнял сеточку, вылез и был таков. Ветреник этакий.

Ну, улетел, так улетел. Ничего не поделаешь. Господин учитель быстро закрыл окно, чтобы не дуло, и закончил свой рассказ, стоя перед пустой сеточкой. Шмель, правда, уже ничего не услышал. В конце концов, так ему и надо. Он, наверно, успел скрыться за горами, за долами.

Однако далеко шмель не улетел. Какое там, он оставался совсем близко и в тот же день его увидел один мальчик — Павел Шалунов. В школе он

прослыл ужасным копушей, а, в общем-то, был хорошим парнем. Сегодня, после обеда, они с папой возвращались из Верхних Склянок — навещали дядюшку. Иногда они шагали по просёлочной дороге, иногда по тропинке через поле. Вдруг папа остановился и на что-то показал рукой.

Перед ними, низко над землёй, взззз-бзззз-взззз, летал большой шмель с жёлтыми полосками и белой попкой. Летал туда, сюда, чуть подальше, возвращался, всё время над землёй, как будто что-то искал в траве или камешках, всё искал, искал...

— Посмотри-ка на этого шмеля! — разве селился озорник папа. — Летает, как будто что-то ищет. Пойдём, поможем ему. Господин шмель, эй, я к вам обращаюсь! Вы что-то потеряли? Может, трубку? Или золотой дукат? Если мы найдём, чем нас отблагодарите? — засмеялся папа и побежал за шмелём, собираясь ему ещё много чего сказать. Но тут уж Павел, несмотря на свою обычную нерасторопность, не смолчал.

— Оставь его, папа, я знаю, что он ищет! Господин учитель нам сегодня как раз об этом рассказывал в школе. Он не ищет ни дукаты, ни трубку, он высматривает

подходящее убежище для своего гнезда, удобную ямку в земле, где он будет жить. И вообще это не он, а она, шмелиная маменька, у которой в гнезде скоро появится куча детей!

— Неужели?! — от удивления папа остановился. — Вот тебе и на! Значит, это она! Шмелиная маменька! — Он повернулся к Павлу. — Лихо! И это всё вам рассказал господин учитель? Я всегда думал, что шмель — это шмель. Знаешь что? Давай с сегодняшнего дня говорить шмель Анинка, шмелиная маменька. Сейчас мы её догоним и скажем об этом.

Но сказать ей они не успели. Шмель Анинка — шмелиха — шмелиная маменька исчезла из виду. Озорник папа её так и не нашёл.

В САМОМ ДЕЛЕ — ЭТО ОНА, И ЧТО ЕЙ ПРИСНИЛОСЬ

Неужели всё, что мы слышали, возможно? Это в самом деле она? Интересно, что на это скажут мальчики, когда весной перед ними появится большой, толстый шмель? Будут, как обычно, кричать: «Смотрите, шмель, давайте его поймаем!» — или благоразумно решат, что это уважаемая шмелиная мама, которую не стоит трогать?

Да, это в самом деле так. Удивительные вещи происходят в природе. Осенью в каждом шмелином гнезде рождаются большие, толстые шмели, однако

вовсе не шмели, а, можно сказать, шмелихи, будущие шмелиные мамочки. Эти мамочки всю зиму спят где-нибудь в безопасном месте, и та, которая доживёт до весны, как только немного потеплеет, вылетит наружу искать подходящее место для своего гнезда. Она летает низко над землёй, немного туда, немного сюда, иногда чуть дальше, всё время над землёй и ищет, ищет, ищет. Именно так, как наша Анинка.

Только наша Анинка сегодня уже ничего не искала. Она залезла в тёмное убежище под тремя камнями и продолжала дрожать от волнения и усталости. Боже мой! Всё же хорошо, что она сбежала. Что сделал бы с ней господин учитель, если бы ей не удалось сбежать, думала она. Трудно представить. Гм, но говорил-то он о ней хорошо. «Герой наших полей», — сказал учитель. Даже пчёлы не могут того, что она. И это он тоже сказал. Боже! Она им ещё докажет! Завтра она найдёт такое местечко для гнезда, какого ещё ни у одного шмеля не было. Вот увидите! На ночь она останется здесь, под тремя камнями, где не дует и тепло, и мальчишки её не достанут. Анинка свернулась в клубочек. От тепла у неё даже голова закружилась, и, утомлённая тяжёлым днём, она сладко уснула.

Вскоре ей приснился замечательный сон. Просто невероятный сон. У вас будет повод посмеяться над Анинкой! Послушайте, что ей приснилось.

ПЕРВЫЙ СОН АНИНКИ

Анинка очутилась в прекрасном замке, где было тридцать комнат. Вокруг всё благоухало и всюду разливалось приятное тепло. Какой это был великолепный замок! Такое можно увидеть только во сне: десять комнат были медными, десять серебряными, десять золотыми, и все с нежнейшей обивкой, так, как любят шмели. Это было просто чудесно. Снаружи над воротами замка дугой сияла надпись: «ЗДЕСЬ ЖИВЁТ ГЕРОЙ НАШИХ ПОЛЕЙ», — именно так, как сказал господин учитель. У ворот стояли стражники, храбрые жуки-рыцари в блестящих доспехах, у каждого были меч и копье. В замке подметали, драили полы и прислуживали пчёлы, которые не могли делать того, что умела Анинка. Она всеми повелевала. Могла посылать пчёл туда, куда ей заблагорассудится. Пчёлы должны были выполнять всё, что она скажет, потому что Анинка умела больше, чем они. Вы даже не представляете, какой великой госпожой она была. На груди Анинки висело столько наград за её замечательные деяния, что при резком движении награды звенели и играли трогательную песенку «Пасла я овечек в зелёном лесочке». Пчёлы плакали и вытирали слёзы, когда слушали эту песенку.

Тут пришёл господин учитель и сообщил, что из ближайшей деревни идёт большая делегация селян. Они хотят наградить Анинку дипломом за то, что,

будучи героем полей, она спасла урожай клевера. Пчёлы быстренько прибежали, расстелили ковёр, и крестьяне во главе с председателем под торжественные звуки фанфар появились в дверях, осторожно неся великолепный диплом в золотой раме.

Анинка им улыбнулась и на радость всем сыграла на своих медалях «Пасла я овечек». После этого она хлопнула в ладоши, и в зал замка вошли бабочки с серебряными подносами, на которых они несли высокие узкие бокалы со сладким соком на донышке. Сок был таким ароматным, что у всех потекли слюнки.

— Сейчас я вам покажу, как из этого надо пить, — сказала Анинка гостям, спрыгнув с трона. На глазах у всех она погрузила в бокал свой длинный хоботок и пила, пила, пока всё не выпила. — Теперь попробуйте вы. — Насладившись напитком, Анинка улыбнулась и опять села на трон.

Гости не могли дождаться. С нетерпеливым любопытством все склонились над бокалами в надежде попробовать предложенный ароматный сок, стали высовывать языки насколько могли далеко, но до дна бокалов никто из них так и не дотянулся. Несмотря на всеобщую жажду, сок так и остался нетронутым.

— Ещё больше, вы должны ещё больше высунуть язык, — подбадривала Анинка, — больше, больше, — не унималась она, подпрыгивая от хохота на своём троне. Пчёлы тоже начали смеяться, они так

хохотали, что на стенах закачались картины. Бабочки подхватили смех, и крылышки их затрепетали. Даже господин учитель рассмеялся, и смеялся он так громко, что затрещали стены, а затем потолок, и на всех стали сыпаться золотые камни.

«Осторожно, эти камни меня могут убить!» — испугалась Анинка, прикрывая руками свою величавую голову. Один камень всё-таки попал в неё, и Анинка проснулась.

Как раз вовремя проснулась. Потому что в её убежище пытался пробраться ёжик. Гу-у-у!

— Спасайся кто может, — в тревоге воскликнула Анинка и вылетела из убежища, с трудом увернувшись от острых зубов ежа. Она сделала несколько кругов и спряталась в листве ближайшего куста, который заметила в лунном свете.

Там Анинка провела остаток ночи, и ей уже ничего не снилось.

А жаль. Может быть, следующий сон был бы ещё удивительнее, и мы могли бы ещё посмеяться.

О ТРЁХ ГЛУПЦАХ, ПОЯВИВШИХСЯ ХОЛОДНЫМ УТРОМ

Следующий день уже не был таким приятным. Совсем нет. Из серой мглы появилось холодное, зубастое, колючее солнце. Этим сырым утром по тропинкам среди полей шатались без дела три парня — руки глубоко засунуты в карманы, носы синие от холода. Их слегка потряхивало. Они могли бы сидеть вместе со всеми в школе в тепле, но это были плохие мальчишки, поэтому они решили прогулять уроки. Всю дорогу парни ругались.

— Это просто вопиющая несправедливость, — бубнил самый длинный и самый худой из них Казимир Глупцов. — Вчера господин учитель заставил стоять меня полчаса только за то, что я хотел быть похожим на шмеля и высовывал язык, а шмеля он за это хвалил. Да ещё всем про это рассказывал. Я буду мстить. Как только увижу шмеля, я ему покажу, где раки зимуют.

— А мне за то, что я высовывал язык, учитель записал замечание в дневник, — ворчал стриженный под ноль Лойза Неуёмов, со злостью пиная

камешки на дороге. — Я это так не оставлю. Вот увидите, как я этих шмелей проучу.

Третьего, толстого, парня звали Пепик Пышкин.

— Послушайте, может, нам лучше вернуться в школу, раз уж так холодно? Всё равно никаких шмелей мы сейчас не увидим. Сегодня для них прохладно, сегодня все шмели сидят дома за печкой, греют спинки. Хе-хе!

Перед тем как сунуть руки в карманы, толстяк удивлённо указал на насекомое:

— Эй, смотри-ка, один летает.

Низко над землёй, прямо перед мальчишками, несмотря на холод, кружил большой шмель, весь чёрный, только попка ярко-красная. Он тоже искал место для своего нового гнезда.

— А вот ещё один, чуть-чуть другой!

— Правда, летают, хотя и холодно? Ну, парни, вперёд, в атаку! — воскликнул Лойза Неуёмов, и все трое с громким «ура» бросились за первым шмелём. Этому они отомстят за всех шмелей, увидите, как страшно отомстят.

Они действительно могли бы жестоко расправиться с ним, но, к счастью, как только мальчишки побежали по вспаханному полю, Казимир — бац! — упал, зацепившись за земляную кочку, остальные споткнулись уже о Казимира, и получилась куча-мала: Глупцов оказался внизу, Пышкин на нём, а Неуёмов на самом верху этой башни. Сразу подняться

у мальчишек не получилось. С трудом вставая, они держались за носы.

— Неважно, — успокаивали они друг друга, — чёрного шмеля мы не поймали, но всё равно мы их проучим, а ребят в школе убедим, что шмели никакие не полезные, и подговорим всех охотиться с нами. Вот так!

— Я тоже, — пообещал толстый Пепик Пышкин и погрозил кулаком, испачканным в земле. — Вы не представляете, что я им сделаю. Если бы мне сейчас попался какой-нибудь шмель, я бы... — Но он не договорил.

— У тебя шмель на шее! — вдруг закричал Лойза. На воротнике куртки Пышкина действительно сидел большой шмель с жёлтыми полосками и белой попкой. Это была Анинка. Она слушала, о чём говорят мальчишки.

— И-и-и-и! — заверещал в испуге толстый Пепик Пышкин.

— И-и-и-и! — ещё громче завизжали Лойза с Казимиром и, взяв ноги в руки, помчались прочь. Они в страхе бежали по полю, по дороге, и остановились, когда уже совсем не было сил, почти у школы. Боже мой! Неужели шмель съел Пепика? Нет. Может, он ещё до сих пор сидит у него на шее? Тоже нет.

Три наших героя едва отдышались. Ещё бы, выдержать такую погоню! Они продолжали трястись от страха, бедняжечки, по правде сказать, всё ещё немного боялись. Но вы увидите, в другой раз всё будет иначе! Ну нет, просто так они школу уже не прогуляют и бояться шмелей не будут. Теперь вы, сикарахи, увидите, где раки зимуют!

А сейчас скорее в школу. В любом случае на улице холодно, и кроме того, вдруг опять какой-нибудь задрипанный шмель... Несмотря на холод, их тут летает достаточно, могут и на шею сесть. Что тут скажешь!

Мальчишки тихонько открыли двери класса и, опустив головы, проскользнули в класс к своим партам.

Шмель Анинка до самого вечера летала низко над землёй, летала, летала до тех пор, пока не нашла то, что искала. Удобную щель в земле, в которой будет её гнездо. Самое лучшее гнездо на свете. Там она и осталась на ночь.

Во врагах недостатка нет

Вы слышали, о чём говорили эти три глупца? Как они ополчились на шмелей? Бедную Анинку со всех сторон поджидала опасность. Сначала мышь, потом мальчишки, затем ёжик, после него опять мальчишки, которые оказались гораздо хуже прежних, и вот опять что-то но-

венькое. Это что-то с большой головой сидит на ветке и иногда как бы кивает длинным хвостом. Что скажете? Это — сорокопут. Разбойник сорокопут с чёрной маской на беспокойных глазках. Именно в этот момент он увидел Анинку, выползавшую из своей щели на меже.

«Смотрите-ка, — в предвкушении ухмыльнулась птица, — шмель вылетел. А славный-то какой, кругленький! Неплохо бы им полакомиться, — подумал сорокопут и в сладком томлении перепрыгнул на другую ветку. — Подкрепляется, голубчик! — жадно причмокнул языком. — Такой чудный шмель, ням-ням, вкуснотища. Он такой сладкий. Так, полетел дальше. Сел на фиалку, значит, будет приятно пахнуть. Прямо язык свербит, как мне хочется его съесть».

Сорокопут уже собрался слететь на шмеля, но неожиданно передумал: «Пожалуй, подожду. Почему

я должен есть его прямо сейчас? Пусть шмель напьётся побольше сладкого сока, будет ещё слаще, ещё толще, ещё лучше — ведь он продолжает пасть! Когда он основательно напьётся, я его сцапаю, а потом ам-ам, порадуйся, моё брюшко!»

Шмелиха Анинка действительно паслась так старательно, что гурман сорокопут только успевал переводить глаза с места на место. Теперь Анинка села на абрикос и перебирала цветок за цветком, при этом повсюду разносила пыльцу. Потом вззз! — и уже опять разбиралась с более скромными цветами крыжовника и смородины.

Предвкушая хорошую добычу, сорокопут перелетел на сливу: «Нельзя спускать с него глаз. Такой лакомый кусочек, и до сих пор пасётся. Когда он напьётся ещё нектара из цветов черешни, тогда я его слопаю, как малинку. Ням! И не станет шмеля. Вот полакомлюсь! Гм, собственно, нет, было бы жаль съесть его сразу. Пожалуй, я его наколю на веточку и припасу на ужин. Так будет лучше. Отлично. К обеду у меня со вчерашнего дня на колючке навозник. Маленькая мышка, что я поймал с утра, будет на полдник, а шмель — ням, ням — станет прекрасным ужином».

Но предвкушающий хорошую еду сорокопут быстро забыл и об обеде, и о полднике, потому что уже не мог думать ни о чём другом, как только о шмеле. Куда летел шмель, туда, как замороженный,

следовал и сорокопут. Он летал за Аниной целый день — у него даже крылья заболели.

Теперь шмель сел на белые цветы крапивы яснотки, но не очень задержался на них. «О-хо-хо! — просиял сорокопут, который посчитал, что Анинка села на настоящую крапиву. — Ешь, ешь! Шмеля с соком крапивы я ещё ни разу в жизни не пробовал. Думаю, ужин будет ещё вкуснее. Ням, ням! Может, мне вместо шмеля на ужин съесть всё-таки мышь, а шмеля спрятать на завтра? Это будет замечательно, я так и сделаю. Но — гм — пожалуй, нет! Не сделаю! Не буду же я ужинать мышью. На ужин всё-таки съем шмеля, как только он попасётся на черешне. Всё равно после мыши мне как-то нехорошо, а в последний раз после мыши даже снились кошмары, будто кто-то завязал мне клюв, чтобы я не мог есть, и притом ещё дёргал за хвост».

«Ого, шмель уже на черешне. Как он быстро перелезает с цветка на цветок, за ним даже клубится какая-то жёлтая пыльца. Что это может быть? Наверняка что-нибудь приятное... Шмель весь в пыльце. Ха-ха-ха, как шницель, который собираются жарить. Ой, мне даже плохо — так я хочу есть. Вот те на, теперь шмель полетел вниз. За чем-то полез в землю. Хочет и там найти что-нибудь вкусненькое. Отлично, подожду здесь. А потом, как только он вылезет, я его раз!.. И теперь уж, наконец, съем».

Сорокопут плавно слетел в траву, к месту, где Анинка залезла в землю. Птица не знала, что это была та самая щель, которую Анинка выбрала для своего гнезда. Сорокопут спокойно уселся и стал караулить. От голода он уже почти не мог двигаться, ведь целый день птица ничего не ела, видимо, от голода даже начался шум в ушах, какой-то странный, правда. Сначала тихий, потом сильнее и наконец вполне отчётливый: «Хрррр-хрррр-хрррр», — услышал сорокопут совсем рядом.

И тут у него страшно закружилась голова, грозила просто разлететься на куски.

Сразу после этого птица скорбно и с отчаянием простонала:

— Спит! Он спит! Я здесь жду, а он, шмель проклятый, храпит в своей дыре на всю округу и до утра уже не вылезет. Мне его теперь не поймать. Я просто законченный глупец, как я мог дать так себя провести! Чем я теперь буду ужинать? Ах-их, ах-их, придётся всё-таки съесть на ночь мыш, ах я несчастный!

В ужасе, почти умирая от голода, сорокопут полетел к своей кладовой, чтобы поужинать хоть чем-нибудь.

Хотите знать, чем всё кончилось? Закройте глаза, чтобы не было так страшно. Когда сорокопут

подлетал к терновнику, на котором хранились его запасы, увидел он сороку-воровку: она сидела на ветке и с аппетитом поглощала всё, что у него было. Когда сорока вспорхнула, из её клюва ещё торчал мышинный хвостик. В кладовой ничего не осталось.

Вы спросите, как голодный сорокопут провёл ночь?

Но... Лучше не спрашивайте!

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

УДИВИТЕЛЬНОЕ ТАИНСТВО, ПРОИСХОДИВШЕЕ В ГНЕЗДЕ АНИНКИ

Ну да ладно, пусть сорокопут остаётся в своём терновнике и спит, как хочет. А мы продолжим рассказ о нашей милой Анинке, о том, что с ней дальше было.

Что с ней было? Бедняжке было плохо, очень плохо.

Как это могло случиться? Ведь она весь день так весело летала, так старательно собирала нектар, а теперь корчится от боли! Как раз именно потому, что так много всего насобираала, столько сладкого сока выпила, столько пыльцы перенесла!.. Одним словом — переела.

Вообще-то странно. Разве шмель может переест? И мы должны в это поверить? Ведь у него самый обычный желудок, ничего особенного.

Короче, сейчас Анинке было плохо, совсем плохо. Когда она спала, ей снилось, что кто-то по её брюшку ездит на самокате, а когда просыпалась, не могла повернуться ни направо, ни налево. Бедолага. Ей было так плохо, так плохо, что она вздыхала, звала на помощь и даже громко кричала. Маленький синий колокольчик, который

рос возле её убежища и всю ночь слушал жалобы шмеля, не выдержал и утром от страха раззвонился. Счастье, что он рос так близко, счастье, что он вовремя подал сигнал тревоги. Потому что его сразу услышали соседи Анинки, чёрный шмель — каменный и коричневый шмель — луговой, жившие неподалёку, на расстоянии вытянутой руки.

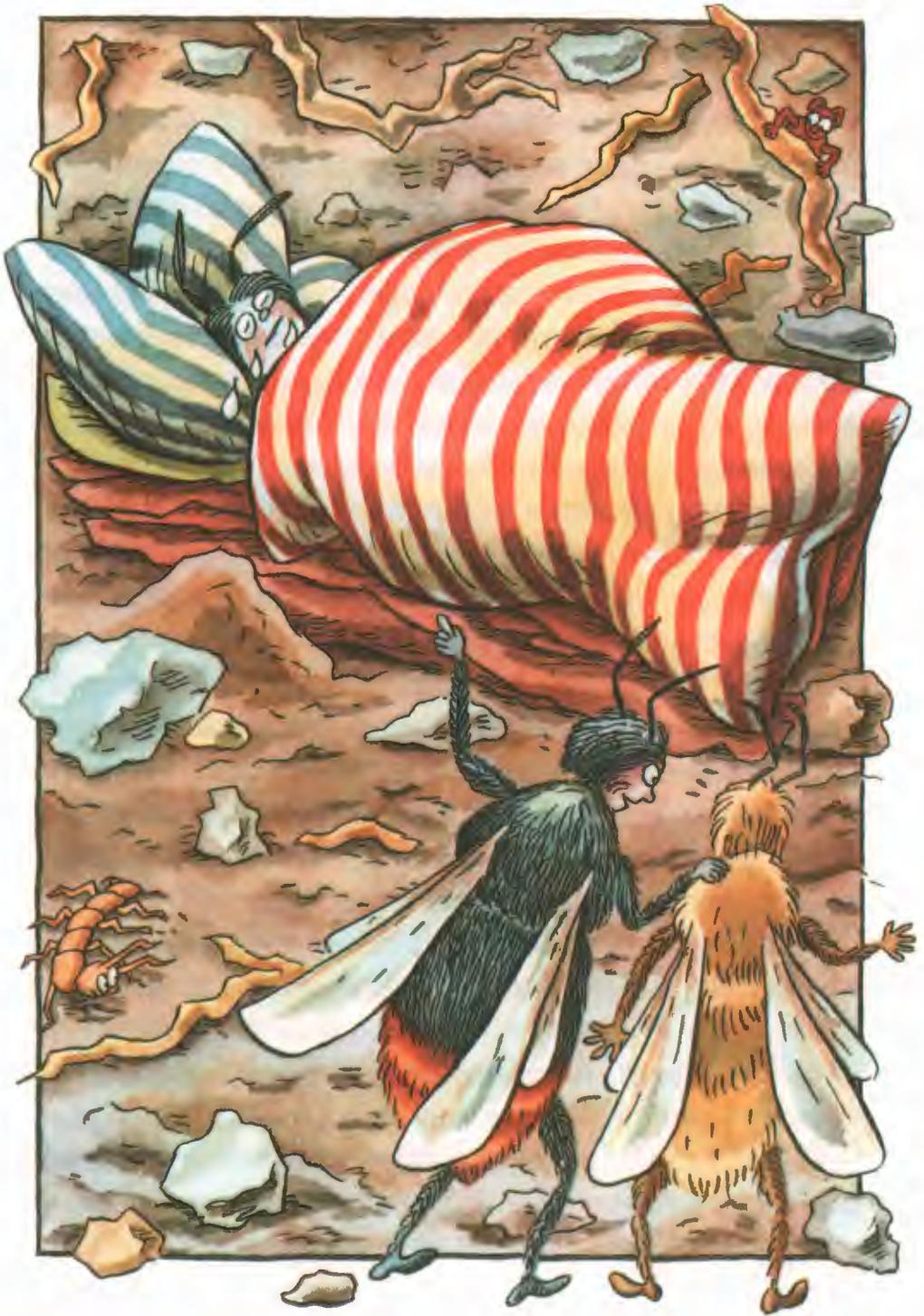
Они сразу прилетели, деликатно прислушались, оставаясь снаружи, потом довольно громко, но вежливо зажужжали. Когда они ничего, кроме тихих стонов, не услышали, осторожно вошли. Аинка неподвижно лежала и жалобно постанывала.

— Да-а-а, плохи дела, — испугались соседи. — Малышка должна немедленно, просто немедленно лечь в постель и как следует пропотеть. Гм, здесь и лечь-то некуда. Летала, летала в поисках гнезда, а само гнездо так и не успела обустроить. Хорошо, что у неё такие хорошие соседи, мы о ней позаботимся, сами всё принесём. Ну, мохначи, вперёд, кто первый?

И, соревнуясь, насекомые вылетели наружу. Не успела Аинка пять раз вздохнуть, бац! Шмели уже столкнулись у дверей. Коричневый, шмель луговой, принёс какие-то палочки, чтобы смастерить кровать, а чёрный, шмель каменный, протискивался в убежище с целой кучей перин.

Вот добряки-то.

Не успели вы сосчитать до трёх, как Аинка уже лежала в постели, закутанная так, что из перин

торчал только её нос, и прежде чем вы произнесли «четыре», она уже начала нещадно потеть.

Что я буду тут вам рассказывать. Она потела (и ещё как!), но совершенно иначе, нежели потеют люди. Ну, вы знаете. Когда потеют больные дети, по их щекам стекают капельки пота, щекают им носы, их ладошки и ножки становятся влажными. Когда же потеет объевшаяся пчела или объевшийся шмель, на их тельцах, хотите верьте, хотите нет, выступают чешуйки воска.

Великое таинство насекомых происходило в убежище Анинки.

Самый обыкновенный шмель сейчас представлял собой живую фабрику по производству строительного материала.

Когда в полдень вернулись шмель каменный и шмель луговой с несколькими ушатами, Аинка уже была целиком покрыта воском. Если бы у обоих соседей были шляпы, они почтительно сняли бы их перед Аинкой. Столько воска сразу ни на одном насекомом они никогда не видели.

— Неужели такое бывает?! — выдохнули они в восхищении. — Надо же, сколько насобирала, — шептались шмели. — Просто удивительно, сколько она выдала. А теперь мы должны быстро подготовить воск к работе.

Оба шмеля бросились к инструментам и стали соскребать с Аинки чешуйки воска, каждый в свой ушат. Потом они ещё смели пыльцу, которую Аин-

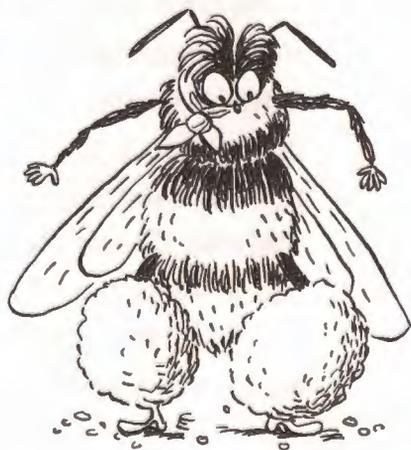
ка ночью стряхнула с себя. Когда они закончили работу, осторожно поставили к стене полнѣхонькие ушаты, но Анинка даже не шевельнулась. Она была по-прежнему раздувшейся от переедания.

В этом случае ничего не поможет, нужна операция.

— Закройте двери и никого не пускайте, нам никто не должен мешать, — погрозили кому-то пальцем оба соседа. — Потому что теперь, цин-гилин-гилинк, мы стали врачами!

Осторожно, как и следует врачам, они подсоединили к Анинке маленький насос и начали выкачивать из неё накопившийся мѣд. Божечки, сколько же его было! Выкачали из неё два полных ушата и ещё несколько мисочек. Столько нектара она собрала за один день.

Ах, ей полегчало только после этой операции. Анинка сразу пришла в себя и села на кровати. Она хотела тут же встать, но, вот незадача, не получилось. Она, бедняжка, даже не могла пошевелить ногами. На ногах было полно пыльцы. Ноги были похожи на огромные бочки. Там, где у каждой шмелиной мамы или каждой шмелиной работницы были корзиночки для пыльцы, у Анинки висело, по крайней мере, два шмелиных центнера пыльцы.

Поэтому страдалица не могла встать.

— Боже праведный, золотко, — удивлялись оба соседа, — твоих запасов хватит и на четыре гнезда! Хорошо, пыльцу мы тебе поможем собрать и уложить, но ты, дорогуша, теперь уже сама должна засучить рукава и начать работать!

Они собрали пыльцу в оставшийся ушат и — до свидания, вззз-бззз, — разлетелись за тысячами запахами весенних цветов, чтобы тоже кое-что успеть.

Улетели, и Анинка осталась одна.

И тут началось самое главное.

Гнездо.

Мы вообще не знаем, как делается шмелиное гнездо. Никто из нас за этим специально не наблюдал. Анинку тоже никто не учил, никто ей не подсказывал, никто не показывал, но она почему-то знала. Едва она осталась одна, в её убежище стало происходить ещё одно таинство.

Там строилось новое, совершенно новое шмелиное гнездо.

Перво-наперво Анинка из воска сделала довольно большой бочонок. Ах, бочонок — лучший из лучших... Самый сладкий бочонок, будет в нём мёд, сладкая каша из пыльцы и сладкого сока, будет в нём самая сладкая еда для мамочки и малых детушек. Свой почти полный бочонок со сладкой едой Анинка поставила поближе ко входу, чтобы он был всё время под рукой, а возле него вылепила из воска маленькую перинку для своей но-

вой семейки. Это была такая красивая перинка, что если бы вы увидели её вблизи, то воскликнули бы: «Ах, какая прекрасная работа!» — такая она была замечательная.

И эту прекрасную, замечательную перинку Аинка положила на землю около бочонка. Едва она её положила, подровняла, погладила, согрела своим дыханием, как стала класть на перинку первые малюсенькие нежнейшие шмелиные яички. Маленькую кучку, первых десять яиц, первых десять из тех, что уже с прошлой осени носила в себе. Из этих первых десяти яиц родятся десять первых маленьких детишек. У Аинки закружилась голова от счастья.

Маленькую нежную кучку яиц она прикрыла тончайшим покрывалом из воска, а потом осторожно села на свою первую кладку. Она её проветривала, согревала и ждала, что через три дня произойдёт самое прекрасное: вылупятся первые личинки, маленькие, нежные червячки.

О прогулке на Козью Горку и беде Аютиных Глазок

Кругом была такая красота, такая красота, что каждый хотел на всю катушку использовать эти

прекрасные весенние дни. Наша школа тоже. Все отправились на природу полюбоваться цветущим миром и надышаться замечательным весенним воздухом.

— Комары женились, бзум, бзум, бзум, ни капельки вина не пили, бзум, бзум, бзум, не пили, — весело неслась ликующая песня первой в этом году вылазки на природу. Дети под неё бодро шагали. Они шли лугом, полем и остановились перед небольшим лесочком.

— Как прекрасно, всё цветёт, — восхищался господин учитель Ворона. — Оглянитесь вокруг, ребята, какое чудо! Здесь у леса кто-то рассыпал целую охапку золота. Посмотрите! Кто из вас знает, как называются эти цветы?

Разумеется, как всегда первой откликнулась Аделка Свистулькина:

— Знаю, я знаю, это примула.

Да, это была примула, целая клумба примулы росла на опушке леса. И правда, будто кто-то рассыпал целую охапку золота. На каждом стебельке висела гроздь жёлто-золотых цветков, и все они были обращены к земле.

— А знаете ли вы, почему все цветы примулы смотрят вниз? — спросил господин учитель и тут же сам ответил: — Чтобы в них не попал дождь! Как же иначе? Знаете что, ребята? Сорвём несколько цветков на обратном пути, но только несколько, а в школе будем их рисовать. Ой, смотрите —

шмель прилетел.
Тихо, подождём, пока
он насытится.

Все расступились
и притихли, словно мыш-
ки, но, как бы тихо ребята себя ни
вели, всё равно не слышали, о чём го-
ворила примула с Аниной (конечно,
это была она, прилетела немного перекусить и по-
пить).

— Вы позволите? Я только на минуточку... —
мягко прошелестела Аинка и легко повисла на
одном из цветков.

— Но-но, — испугалась примула и вместе со
шмелём низко наклонилась к земле. — К нам го-
сти пожаловали, а у нас ещё не убрано. Но всё
равно проходите, пожалуйста, присаживайтесь,
попробуйте немного сладкого сока!

— А почему у вас уже должно быть убрано? —
в ответ произнесла Аинка. — Утром это как раз
нормально.

Но угощение приняла. С благодарностью пригубила из каждой чашечки, ни одной не пропустила и сразу же снова уселась на другой цветок, как будто не знала, сколько любопытных глаз за ней наблюдает.

Все смотрели на неё с радостным участием, и только глаза троих наших старых знакомых (разумеется, те мальчишки тоже были среди ребят) не предвещали ничего хорошего.

— Лойза, Пепа, этот будет наш! — подмигнул Казимир Глупцов своим приятелям. — Следите за ним, он не должен улететь!

Пока все ученики вместе с учителем и прилежной Аделкой Свистулькиной старались не спугнуть шмеля, Пепик Пышкин незаметно плюнул на ладони, Лойза Неуёмов приготовил солидный камень, чтобы прихлопнуть насекомое, а Казимир Глупцов несколько раз, тренируясь, рассёк воздух палкой, чтобы при случае огреть шмеля. Наконец-то они отомстят.

Вскоре Анинка перебрала все цветы примулы и поднялась в воздух.

— Готово! Ребята, хорошенько запомните, где мы видели примулу, а теперь вперёд! Весёлую песню — запе-вай! Продолжаем подъём на Козью Горку! — И господин учитель бодро запел: — Там в лесу, там в лесу, там в лесу зелёном.

Сначала Аделка подхватила песню очень высоким голосом, а потом и остальные; все с песней

на устах отправились на Козью Горку, где с давних времён находилось маленькое красивое озерцо.

Однако отправились не все. Казимир Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин остались на месте, прижавшись к земле; крутили головами и наблюдали, как Анинка кружила в воздухе. Мальчишки замерли, как только она присела на анютины глазки рядом с ними.

— Я шмеля накрою кепкой, — прошептал Пепик.

— Я его прихлопну камнем, — зашипел Лойза.

— А если он попробует улепетнуть, я буду на страже и огрею его палкой, — пообещал Казимир. — Так, а теперь все за ним! — скомандовал он.

Мальчишки наступали осторожно, пригнувшись к земле, вытянув головы вперёд: Пепик с кепкой первый, за ним Лойза с камнем, Казимир с палкой последний, несмотря на то, что был командиром.

— Ждите, пока я не скажу «давай»! — предупредил Казимир строго.

— Казик, а не мог бы я сказать «давай»? — просительно зашептал Лойза Неуёмов с камнем в руке. — Я в него точно попаду!

Но прежде чем Казимир ему ответил, их неожиданно обошёл нетерпеливый Пепик. Чтобы опередить друзей, он сам себе скомандовал: «Давай!» — и молниеносно накинул кепку на цветок с Анинкой.

Ура! Как только была подана решительная команда, никто не хотел оставаться позади. Лойза начал колотить камнем по кепке и попал

Пепику по пальцам. Казимир тоже не отставал и размахнулся палкой, но удар пришёлся Лойзе по голове. Мальчишки вопили от боли, ну просто катастрофа. Всем досталось.

Анинка при этой атаке чудом не пострадала, поскольку в ту минуту, когда Пепик бросился с кепкой, её на цветке уже не было. Она летала где-то в другом месте, а вот побитые мальчишки остались там, где и были.

Когда экскурсия школьников вышла из леса и запела песню «Шли девушки по дороге», группа была уже в полном составе. А когда у озера запели «Ура, да здравствует наш поход, мы не промокли, мы уже здесь!», Анинка уже всю паслась на нижнем лугу господина Шалунова. Она даже не знала, что произошло у аютиных глазок, и старательно собирала сладкий сок и пыльцу.

Там её повстречал сосед Каменщик, тот самый чёрный шмель; он заботливо прокричал ей из цветка:

— Анинка, поторопись домой! Мне кажется, в твоё гнездо лезут муравьи.

Гость возле гнезда, и новый страшный сон

Значит, муравьи! Это была неприятная новость. Всё могло кончиться очень плохо. Настоящая катастрофа. Муравьи в шмелином гнезде! Такого нельзя допустить. Боже мой, ведь муравьи способны полностью опустошить гнездо. Анинке ничего не оставалось, как срочно вернуться домой. Ведь у неё там первая кладка яиц, она и улетела-то всего на минутку, будем надеяться, что ничего страшного не случилось.

Кое-что там всё же произошло. Анинка заметила это издали. Перед входом в гнездо сидел маленький, плюгавенький муравейчик с метлой в руках. Когда Анинка подлетела, муравей встал и вежливо поздоровался.

— Госпожа, — прошептал он робко, — не сердитесь на меня. Я тут перед входом в гнездо немного прибрался, надеюсь, вы не против? Я люблю подметать и с удовольствием буду приходить к вам каждый день мести двор. И в гнезде, если захотите. Я дома тоже убираюсь. Позвольте спросить? Если в вашем гнезде где-то капнет капля мёда, мог бы я её слизать? Тогда всё было бы совершенно чисто. Я это не для себя, я принёс бы мёд своим друзьям

в муравейник, если вы разрешите. — Мураш глубоко вздохнул и часто заморгал, как будто испугался.

Анинка потёрла лоб, она пока не понимала, кто перед ней — злобный непрошенный гость или добрая и честная душа? Что ему надо? Навредить ей или действительно помочь? Это же муравей. Она должна ему поверить, потому что муравьи обычно делают добро, не так ли? Ну да, пожалуй, надо попробовать:

— Хорошо, посмотрим. Может, в гнезде уже что-то и накапало.

Муравей припал к мёду на земле. Он вычистил всё до последней капли и благовоспитанно облизнулся.

— Простите, госпожа, — оглянулся муравейчик вокруг, — а в этих горшочках у вас такой же вкусный мёд?

— Нет, дорогой мураш. Там каша из мёда и пыльцы. Хочешь попробовать, да? Ну ладно, дам тебе немного, но только с условием, что ты не будешь сюда потом водить других муравьёв! — И Анинка дала муравью немножечко кашицы. Он смиренно побежал домой, чтобы мёдом и кашей поделиться с друзьями. Он, конечно, как и обещал, никому не скажет, откуда мёд, а убраться завтра, разумеется, придёт.

«Какая я молодец, — радовалась Анинка. — И об уборке позаботилась. Муравейчик — умница, всё сделает, а я буду только собирать, строить

и кормить, в остальное время смогу как следует выспаться». Она разложила собранные мёд и пыльцу по горшочкам, уселась на свою подстилку и через минуту крепко уснула. Спала и спала, а к утру ей опять приснился сон, будто она в своём прекрасном замке.

Это был хороший сон, он стоит того, чтобы его рассказать.

ВТОРОЙ СОН АНИНКИ

Вокруг сновали пчёлы, а по пятам за Аниной ходил тот самый усердный муравей и с восторгом носил за ней роскошный шлейф. Так ей снилось. В самой большой комнате росла жёлто-золотая примула, которая приглашала Анилку: «Госпожа, идите к нам в гости на сладкий мёд, у нас уже убрано». Но Аинка, несколько повысив голос, гордо произнесла: «Извините, сейчас не могу, я иду принимать ванну».

Ей снилось, что она действительно идёт в ванную. Но, едва войдя в выложенное кафелем помещение и погрузившись в золотую ванну, почувствовала, что вода холодная. «Брр, так не пойдёт, — решила она, — лучше приму душ», — и пустила тёплую воду, но из всех дырочек на неё тоже текла холодная вода. Уууу! Совсем холодная вода. Срочно закрыть! Аинка быстро повернула

кран, но остановить душ не удалось. Холодная вода продолжала и продолжала течь на Анинку. Она отчаянно крутила кран, звала пчёл, муравья, но никто не откликнулся, никто не приходил. Только откуда-то доносились знакомые голоса:

— Анинка, помощь не нужна?

И тут она проснулась. Всё, что снилось, исчезло: замок, пчёлы, муравейчик и золотая ванна. А вот душ остался, на Аинку всё ещё текло. Проклятый сон! Приснится же такая глупость...

КАК ДОСТРАИВАЛИ ГНЕЗДО

Подождите, никакая это не глупость, потому что приснившийся Аинке холодный душ был правдой. Снаружи всю ночь шёл дождь, и с протёкшего потолка на шмеля теперь текла холодная вода. К счастью, опять вовремя появились соседи.

— Как хорошо, что мы пришли! Через некоторое время здесь уже был бы пруд! У тебя ещё остался воск? — спросили соседи-шмели. Воск был. — Отлично. Не успеешь оглянуться, как мы всё приведём в порядок.

До полудня стены, потолок и пол гнезда, как и положено, были покрыты воском. Анинка за всё это время даже ни разу не покинула своё ложе.

Вот теперь всё будет чудесно! Теперь можете прийти и посмотреть, как будет жить Анинка в своём восковом домике.

— А сон-то в руку! Недаром я во сне была хозяйкой замка! — рассмеялась Анинка. Каменщик и Крестьянин на неё удивлённо посмотрели, почесав нос, но, поскольку дождь уже кончился, шмели собрались и — вззз-бззз — вылетели наружу.

Хозяйка замка! Ах, что за глупости. И Анинка тоже — вззз-бззз — улетела вслед за ними пополнять запасы.

Как прекрасно пахли весенние цветы, как манили Анинку!

Некоторые растения просто умоляли:

— Шмелёк, миленький, смилуйся над нами. Пчёлкам к нам не проникнуть, они к нам даже не летят. Если не прилетишь ты, у нас не будет семян.

Анинка столько летала, что чуть не стёрла свои крылья. Она облетела множество цветов, так что не стоило беспокоиться, у них будут семена. Анинка напилась соку, перенесла пыльцу, и ей уже хотелось домой, к своим нежным яичкам, в восковой домик. Вскоре она распростилась с цветами, а когда возвращалась, издалека увидела возле своего гнезда старательного муравьишку с метлой. Сидел там как ни в чём не бывало.

— Добрый день, госпожа, здесь уже всё убрано, — приветствовал мураш Анинку несмелой улыбкой. — Я дома никому не сказал, что мёд получил от вас. Но наши муравьи сумеют найти сюда дорогу в знак благодарности, если вдруг вам понадобится помощь. Да, здесь только что были два шмеля, один такой чёрный, а другой коричневый, они спрашивали, дома ли хозяйка замка.

— Замолчи! — возмутилась Аинка. — Какая ещё хозяйка замка? Они просто посмеялись над моим сном. А тебе, — разгневанно продолжала она, — я больше не дам ни кусочка сладкой кашицы, если ты меня ещё хоть раз так назовёшь! Заруби себе на носу!

— Да, хозяйка зам... — воскликнул мураш и закашлялся, шлёпнул себя по губам и быстро поправился: — Зам... гм, зам... замету вам вот тут немножечко.

— То-то же, — с облегчением вздохнула Аинка и дала муравьишке капельку сладкой кашицы в награду за уборку, а потом крепко-накрепко заперлась в своём восковом гнезде.

КАК МНОГО РАБОТЫ, А СКОЛЬКО ЕЩЁ ПРЕДСТОИТ!

Какая Аинка молодец! Как она замечательно содержит своё жилище!

Теперь каждый, кто заглянул бы в укрытие Анинки, замер бы в умилении. Представьте себе, из яичек, которые она отложила, уже родились личинки. Такие маленькие, милые червячки, десять любимых малышей, и все были голодные, как волки. Только и делали, что поминутно открывали рты под покрывалом. Анинка, будучи заботливой мамой, их оберегала, согревала, проветривала ячеи, каждую минуту надкусывала покрывало, и, окунув хоботок в мёд, кормила через отверстие в покрывале все десять голодных ртов.

— Только ешьте, мои дорогие малютки, мамочка вам даст ещё и ещё. Кушайте хорошо, чтобы быстрее подрасти. Скоро вы превратитесь в куколок, а потом из вас получатся большие, красивые, настоящие шмели — цветные, полосатые, с крылышками, и вы будете всюду летать, громко жужжать, да-да, так громко, что вас все будут слышать!

Малютки с удовольствием слушались Анинку и ели, а когда мамочка их снова накрывала, они засыпали, продолжая расти, и вся кучка из

воска под покрывалом росла вместе с ними. На сколько выростали червячки, на столько выростала и кучка под покрывалом. Если покрывала не хватало, мама шмелиха добавляла воска.

— Только ешьте и растите большие. Вам не хватает немного пыльцы? Посмотрите назад, там стоит полный бочонок, и в нём пыльца не кончается, потому что мамочка его постоянно пополняет. Накормлю вас и принесу снова. Подождите минутку. Я слетаю наружу и моментально вернусь. Закройте глазки и ложитесь баинькать!

Анинка быстро залепила дырочку в покрывале и вылетела из гнезда, она быстро собрала мёд и пыльцу с цветов и сразу же вернулась домой к своему голодному семейству. Как самая настоящая заботливая мама. Все настоящие мамы практически не отдыхают. Целый день они из кожи вон лезут, чтобы детей как следует накормить, чтобы их развлечь и поиграть с ними, а когда уже наконец уложат их спать, чинят им одежду и чулочки, чтобы ни одной дырочки не было, чтобы всё у них было хорошо.

Поверьте, у Анинки не было времени даже оглянуться вокруг и посмотреть, что творится в Молодце. А творились там вещи весьма удивительные. Как раз сейчас, видите? Жители носят от забора к забору с ведрами и кистями и расклеивают цветные плакаты.

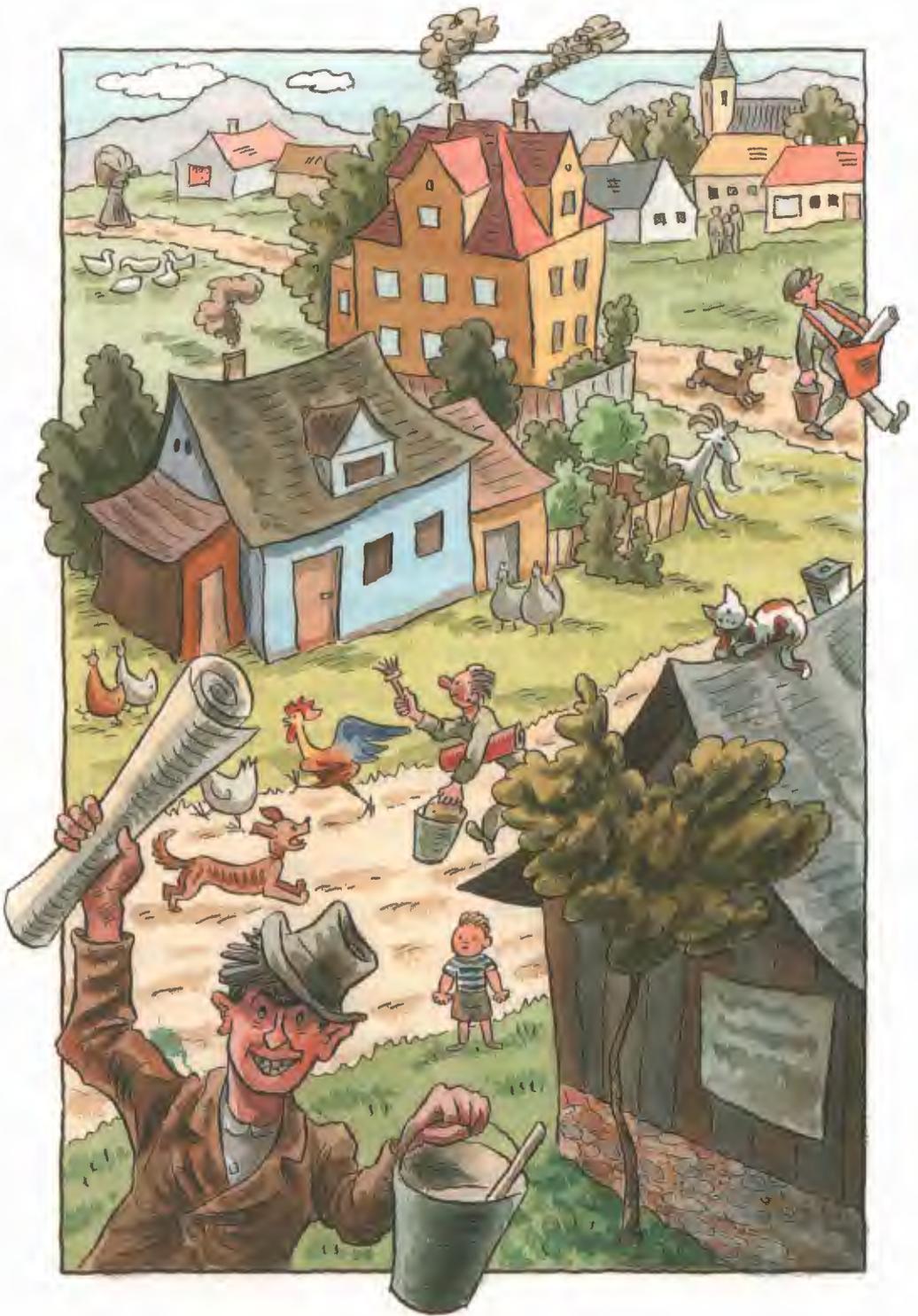
**Примем на работу
неограниченное количество шмелей,
ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ!
Приходите,
вознаграждение гарантировано!**

Таких объявлений здесь ещё никогда не было.

Красные, зелёные, голубые. Их клеили повсюду: на заборы, сараи, перед поселковой администрацией и около церкви. Дорогие мои, ну как же без этого?! Раз посеяно столько красного клевера, значит нужно, чтобы было много семян. А кто же об этом позаботится?

Интересно, почему вдруг все решили, что шмель может быть им полезен. Наверняка кто-то рассказал, что для хорошего урожая клевера лучше всего шмели. Эта новость быстро разносилась по всей деревне. Но, несмотря на это, к председателю пришли четыре бабушки и посоветовали поступить следующим образом: пусть по деревне пройдёт процессия с церковными служками впереди и бабушками и дедушками сзади, господин священник окропит клевер, и всё будет хорошо. Председатель на это только растерянно почесал за ухом:

— Да-а-а, я не знаю, не думаю, что это поможет — окропить водой! Да ну вас, это не вариант... Если уж надеяться на воду, то на хороший дождь. Для

клевера нужен шмель, обычный шмель с крыльями и длинным хоботком. Он обеспечит нам достаточно семян. Знаете что? Давайте спросим господина учителя.

Учителя всегда можно обо всём спросить. Господин учитель, так уж повелось, знает всё.

— Шмели? — сказал он. — Мы о них в классе уже говорили. Спросите у Аделки Свистулькиной, она вам без запинки расскажет, зачем у шмелей такой длинный хоботок. Ну, мы вам желаем, чтобы сюда прилетело как можно больше шмелей. Наша школа в стороне не останется. Вы увидите, на что мы способны, когда здесь будет полным-полно шмелей.

Ну, раз такое сказал господин учитель, значит, так оно и есть. Теперь все точно знали, что Молодцову шмели просто необходимы. А когда через несколько дней господин учитель Ворона рассказал, что предпримет школа, мальчишки загорелись идеей помочь своей деревне. Только Казимир Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин неожиданно покраснели.

— Если здесь будут летать такие же шмели, как тот, которого мы видели сегодня утром, вряд ли они кому-нибудь помогут. Хе-хе!

Ведь утром они видели маленького, совсем малюсенького шмеля. Не больше ногтя мальчишеского пальца, он летал с цветка на цветок. Хм! Они такого ловить не собираются.

ТАКОЙ МАЛЕНЬКИЙ, СОВСЕМ МАЛЮСЕНЬКИЙ ШМЕЛЬ

Маленького, совсем малюсенького шмеля?

Да.

Боже мой, ведь это была первая дочь Анинки — Майдаленка. Маленькая, очень маленькая. Ещё абсолютно неокрепшая. Из первых личинок, за которыми, несмотря на свою занятость, ухаживает только мамочка, появляются малюсенькие шмели, и эти первенцы, вскормленные мамой, не успевающей обслужить всех малышей, получают маленькими.

Однако маленькая, совсем маленькая Майдаленка была не одинока. Десять первых личинок уже подросли и превратились в куколок; когда куколки раскрылись, из них вылетели десять первых шмелей.

Представьте радость Анинки — первые десять детишек уже могут вылетать из гнезда. Они станут порхать с цветка на цветок, с дерева на дерево, с куста на куст, собирая нектар и пыльцу. Это первые работники семьи Анинки, теперь они будут помогать кормить других детей шмелихи. Ведь скоро появится следующая партия детишек, потому что Анинка, продолжая искать еду и кормить уже родившихся деток, не перестала откладывать яйца. Но теперь всё будет по-другому. Рабочие шмели многое сами сделают за мамочку. Мамуля вообще может оставаться дома, она не

должна ничего добывать, обо всём позаботятся новорождённые работники. Это будет просто замечательно. Мама станет заниматься гнездом, спокойно откладывая яйца, а наружу будут летать молодые работницы. Даже чтобы прокормить себя, маме больше не нужно вылетать из гнезда. Теперь о ней позаботятся дети.

Из первой десятки Майдаленка была самая шустрая и всегда приносила больше всех пыльцы и нектара.

— Мамуля, там так красиво!

— Мамуля, недалеко от нас в поле растут анютины глазки, они такие маленькие, такие красивые, просто как куколочки.

— Мамочка, по тропинке шёл какой-то господин и говорил: «Вот старший Шалунов обрадуется!» — и смотрел при этом на нас.

— Мамочка, дай мне платок, я червячкам вытру носики.

Она постоянно о ком-то заботится. Всё видит, такая умница, всё замечает.

— Мамочка, мамуля, я тоже пойду в школу, — вдруг удивила всех Майдаленка. Наверняка она увидела школу во время полёта.

Золото! Настоящее золото! Всё стремится узнать, всему хочет научиться, такая молодая, такая маленькая.

— Так ты собираешься в школу? Ну хорошо, девочка, иди, почему бы и нет? Научишься чему-нибудь, а потом будешь всё объяснять нам.

Что узнала Майдаленка в школе, и новый мёд муравьишки

Школа, школа — это очень серьёзное событие. Словно отправляешься в другой мир. Кто не ходил в школу, тот почти ничего не знает, а кто ходил, тот — ой-ой-ой! — чему только не научился. В школе учатся слушать, учатся как следует сидеть, поднимать руку, читать, писать и считать.

В связи со школой дома всегда возникает много хлопот.

Батюшки мои, в гнезде начался настоящий переполох. Прежде всего, во что одеть Майдаленку, когда она впервые пойдёт в школу. Сестрички искали

езде, где возможно, даже смотрели в модных журналах, но нигде не нашли ничего подходящего. Наконец пришли к выводу, что больше всего шмелям идёт то, в чём они родились. Вот и хорошо, Майдаленка ничего не наденет. А как же быть с учёбой? Маленький услужливый муравьишка предложил каждый день носить Майдаленкин портфель с книгами. Но оказалось, что у неё и книг-то никаких нет.

Короче говоря, Майдаленка простилась с домашними и полетела в школу, там она села на первое попавшееся окно. Вернувшись из школы, малышка рассказала всё, что ей довелось увидеть.

— Мамочка, я теперь знаю, как учат в школе. Там так здорово. Мальчики весь урок совали бумажки друг другу за шиворот, читали книжки под партой, руки у них были ужас какие грязные, а в тетрадках они рисовали господина учителя, но почему-то волосатого. Мамуля, дорогая, такую школу мы обязательно должны организовать у нас дома, чтобы стать такими же умными и образованными. Только... только вот у нас нет парт. А они должны быть, причём обязательно испачканные и с разными вырезанными надписями, чтобы всё было, как в настоящей школе.

Вот сколько всего интересного рассказала Майдаленка о школе. Её рассказ, правда, был немного странным, не так ли? Наверняка она смотрела не в то окно.

— Глупенькая, — постучала мама по волосатой головке дочери и расхохоталась. — Тебе не надо было смотреть на мальчишек. Ты бы лучше села поближе к господину учителю.

— Что-что? Но, мамочка, ты могла сразу сказать об этом! Это же совсем другое дело.

Майдаленка послушалась маму и в следующий раз села на окно совсем близко от господина учителя. Ну, теперь-то уж над ней никто не смеялся. Сколько же она всего узнала, сколько разузнала! Узнала, как звали трёх дочерей князя Крока*, узнала, что в старину лучше всех прыгал Горимир с Шемиком** и что он и сейчас всех победил бы в прыжках, узнала, чем в своё время прославился могучий богатырь Бивой***. Выучила умножение на семь так, что ночью могла проснуться и ответить, научилась правильно произносить звук «рж». Короче, Майдаленка стала отличницей. На лугу только и говорили о том, какая замечательная самая первая малышка — дочь госпожи замка, какая она умница, какая надёжная опора для Анинки.

Что ж, у Анинки и в самом деле началась прекрасная жизнь! Она могла без забот сидеть

* Князь Крок — легендарный правитель чехов. Дочери: старшая — Кази, знахарка и лекарь; средняя — Тэтка, жрица; младшая — Либуше, отличалась мудростью, после смерти отца стала правительницей Чехии. — *Прим. пер.*

** Горимир — герой славянской мифологии. Шимек — его конь. Прыгнул вместе с седоком с высокой горы, тем самым спас хозяина от смерти. — *Прим. пер.*

*** Бивой — легендарный чешский герой, обладавший недюжинной силой. — *Прим. пер.*

дома. Гнездо разрослось и стало выглядеть, как большая куча склеившихся горшочков, и Анинка продолжала откладывать туда всё новые и новые яйца. Внизу под своим тельцем она слышала, как ползали голодные личинки, в новых горшочках засыпали сытые куколки. Знала, что в любую минуту оттуда могла вылететь новая работница, уже более крупная, потому что в своём «личиночном детстве» их уже кормило много работников. Да оно и понятно! Первые работницы старательно разыскивали и приносили сладкий сок и пыльцу, кормили и помогали строить гнездо, вырабатывали воск и радовались тому, что детки, за которыми они ухаживают, скоро подрастут и будут крупнее, сильнее и ещё старательнее.

Майдаленка, самая первая и самая маленькая, заботилась обо всём на свете. И приносила в гнездо разнообразные новости. Например, про большие поля, засеянные клевером, которые она заметила во время своих долгих полётов, и про расклеенные объявления. Заботилась она и о доме: ведь именно она приносила маленькому муравьишке каждый день капельку мёда, а он в благодарность никогда не забывал навести порядок в их гнезде.

Как раз сегодня он прибежал не только с метлой, но и с приветом. Якобы чёрный и коричневый шмели велели кланяться и передать привет Анинке. А если Анинка когда-нибудь увидит маленького чёрного и маленького коричневого

шмелей, пусть знает, что это их доченьки. Их детки. Их новые работницы. Боже ты мой, надо же! Так это не были крёстные, оказывается, это были тоже шмелиные мамы: чёрная — мамочка каменного шмеля, а коричневая — мама шмеля лугового, именно они весной помогали Анинке. Уложили тогда её в постель, лечили, гнездо выложили воском. Они сами оказались мамочками и тоже мечтали создать собственное гнездо.

— Хорошие мамочки, — тихонько прошептала Анинка. — Жаль, что я не могу сейчас к ним полететь. Послушай, муравейчик, ты же знаешь, что я должна остаться дома, — обратилась она к маленькому

уборщику. — Беги-ка поскорее в гнездо к чёрной и коричневой мамочкам и скажи, что я посылаю им самый нежный поцелуй и что мы все о них вспоминаем. Пожелай благополучия их семьям и также передай от нас привет. Возможно, они тоже угостят тебя мёдом.

Малыш муравей так спешил к чёрной и коричневой мамочкам, словно какой-нибудь спутник, и с той поры — вот хитрец! — получал мёд в трёх местах.

В МОЛОДЦОВЕ ВСЁ ПОНЯЛИ

О долгом собрании «У Жучковых»

Вы знаете, если кто-то умеет больше других, тот и работает больше других. Раз Майдаленка ходила в школу, раз уж стала такой образованной, то должна была бывать всюду, где что-либо происходило. Майдаленка летела туда и обо всём самом важном рассказывала в гнезде. Она даже, представьте себе, участвовала в собрании селян, проходившем в трактире «У Жучковых» — там обсуждали вопрос о клевере. Очень много о нём говорили. Один старый усатый кооператор всё время говорил, что на его приусадебном участке выросла вот такая — и он показал руками, — такая толстенная кукуруза. А председатель кооператива радовался, что в этом году могут собрать очень много клевера. Ведь они его столько посеяли.

Долго говорили про то, что у коров будет много клевера, сколько его можно будет продать и сколько денег выручить. Конечно, если шмели будут благосклонны и помогут клеверу с семенами. А это, я вам скажу, вопрос серьёзный. И господин Шалунов размечтался о том, как можно будет распорядиться урожаем клевера. Для Майдаленки это собрание закончилось плохо. Домой

она вернулась довольно поздно, дорогу ей уже освещал светлячок, и Анинка даже не поверила, что собрание могло затянуться так надолго.

— В наше время такого не было, — отчитывала она дочь. — Молодая девушка, где бы она не была, должна приходить домой засветло!

За свою «провинность» Майдаленка час простояла в углу и больше не смела возвращаться поздно.

Однако собрание имело ещё и другие последствия. Земледельцы-кооператоры начали громко рассуждать, что для клевера действительно необходимы шмели, многие спрашивали, не остались ли ещё объявления. А господин Шалунов ходил возле поля с последним объявлением, спрятанным под пиджаком. Под горочкой, внимательно озирался: «Надо же! Ни одного деревца вокруг, чтобы повесить объявление. Может, на тот телеграфный столб. Но чем прикрепить?» К счастью, с ним был его неразговорчивый сын Павел, которого он послал домой за кнопками. Всё равно ему в школу столько кнопок не нужно. И господин Шалунов старательно прикрепил объявление на телеграфный столб в надежде, что его заметят шмели. «Идея ведь так или иначе моя», — с гордостью подумал он и долго рассматривал свою работу. На телеграфном столбе объявление явно бросалось в глаза.

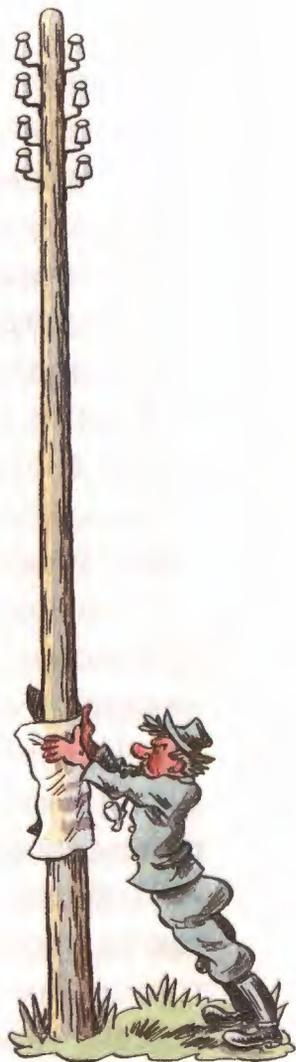
Разумеется, шмели вскоре обратили внимание на объявление. Как раз недалеко находилось гнездо шмеля лугового, укрытое над самой зем-

лэй ветвями смородины, и первые, ещё не слишком хорошо откормленные коричневые труженицы, и те, которые побольше, летали вокруг столба.

— Смотрите-ка, здесь кое-что для нас, — сказали они. А очень скоро они привели сюда больших и маленьких чёрных каменных шмелей, чтобы те рассказали обо всём маме и остальным в гнезде. Конечно, шмели будут собирать и опылять. Да ещё как! Они ведь не могут сидеть без работы!

В школе господин учитель говорил об объявлении, а Казимир Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин решили, что настал их час. Пришло их время.

Именно теперь, в эту минуту.

Злые мальчишки и хороший муравьишка

Внимание! Это совсем не смешно. Трое мальчишек-разгильдяев просто горели желанием отомстить.

— Объявления о шмелях уже везде. Как бы не опоздать, — шептались они. — Их становится всё

больше и больше. Из всех гнёзд вылетают вполне подросшие сикарахи. Мы их уже видели, и теперь самое время за них взяться. Боже мой, шмелиное гнездо — как маленький город. Если мы их гнёзда забросаем землёй, законопатим, уничтожим, только тогда по-настоящему им отомстим, потому что изведём всех шмелей и прославимся. Может, нам даже памятник поставят, ведь мы станем самыми знаменитыми в школе, и все станут рассказывать, как в Молодцове истребили шмелей.

Вот такие глупости они друг другу внушали.

Конечно, они намеревались это сделать! Из-за длинного шмелиного языка в школе мальчишек наказали, а такого унижения они простить не могут. Нет, не могут! Если все восхищаются шмелями, это их дело! Пожалуйста! Но они, ребята-молодцы, всех шмелей уничтожат. Главное — найти их гнёзда, и дело в шляпе. Но найти гнёзда не так-то просто. Искать придётся на большой территории. Так что ребята встретились и стали искать. У стен, заборов, на дорогах, возле камней: в общем, поработали! На одном из склонов они увидели, как из травы вылетают работницы шмелей земляных. Они и не догадывались, что это как раз и было гнездо Анинки.

— Парни, мы нашли первое гнездо, отсюда и начнём, здесь наверняка находятся шмели. Это первая семейка, которую мы через неделю засыплем, — ликовали мальчишки. — Начиная с сегод-

няшнего дня, ровно через неделю, во вторник, со шмелями будет покончено!

Какой ужас!

Боже мой, ведь это не пустяк — уничтожить шмелиное гнездо. Это как если бы уничтожили целый мирный город или даже государство.

Самая ужасная, самая страшная катастрофа нависла над насекомыми. Шмелиный мир ни о чём подобном не знал, не слышал и не подозревал. И до сегодняшнего дня никто из шмелей ни о чём бы не догадался, если бы в траве не оказался наш маленький добряк муравьишка. Он, добрая душа, в это время подметал двор перед гнездом, чтобы заслужить свою капельку кашицы, и всё слышал. Муравей страшно испугался. Ведь он был ещё и честным. «Что творится? Какой ужас! Какую участь несколько мальчишек готовят трудолюбивым шмелям?! А в гнёздах об этом ничего не знают. Слава богу, что я здесь, я должен им сейчас же всё подробно рассказать!»

И как был, с метлой в руках, побежал рассказывать услышанное прежде всего работницам из гнезда Аники. Стрелой! Потом побежал к каменным шмелям, гнездившимся в нагромождении камней, а оттуда — тоже бегом! К луговым, жившим в ветвях смородинного куста. Всех охватил ужас. И это понятно. Боже мой, что с нами будет? Муравьишка, пожалуйста, ты такой умный, пожалуйста, помоги нам, мы ведь только летаем с цветка на цветок, мы

не знаем, как с этими мальчишками справиться, да мы и не сумеем, посоветуй, что делать? Плакали и причитали работницы шмелей земляных, чёрных каменных шмелей, коричневых шмелей луговых, и мамы их, разумеется, тоже причитали и плакали.

— Что нам делать, боже мой, что делать? — за-

ламывали лапки в шмелиных гнёздах. В гнезде у Аники об этом размышлял очень серьёзно и сам добрый муравейчик.

Но вскоре, подумав, отложил метлу в сторону и спокойно с гордостью произнёс:

— Я кое-что придумал.

Замечательно! Муравьишка что-то замыслил.

В эту минуту воцарилась тишина. Не слышалось ни единого голоса, ни даже шуршания крылышка. Все обступили муравья и слушали, что он придумал. Может, эта новость их спасёт.

— Так, я вам кое-что скажу, — начал муравей. — За вашим гнездом растёт красивый куст. Прекрасный куст. Его ветви украшают очень красивые листочки и ещё более красивые цветы. В это время на кусты просто невозможно налюбоваться. Цветы источают такой аромат, что отовсюду на них слетаются зелёные бронзовки. Они обожают этот запах и постоянно бродят по этим цветам. И люди с любовью смотрят на такое зрелище.

А знаете ли вы, как называется этот замечательный куст? Ну, кто скажет? Это дикая роза. Спорим, вы о ней ничего не знаете!

Труженицы-шмели, летающие с цветка на цветок, всюду собирают пыльцу и мёд и совсем не интересуются, что как называется. Они стали стыдливо переглядываться и признались:

— Ну, мы на него уже летали. Немножко его знаем. Пожалуйста, муравей, продолжай.

— На этом замечательном кусте, — рассказывал муравьишка, — нынче появился совершенно необычный цветок. Новая розочка совершенно не похожа на остальные цветы. Эта странная розочка как бы вовсе и не цветёт, даже шмелей ничем не привлекает, и совсем не пахнет. Она из странной бумаги, однако наши муравьи под ней ползают, потому что время от времени находят там что-нибудь съедобное. Это гнездо, тончайшее гнездо, которое в этом году слепили осы. Они сделали его из бумаги, которую сами и производят, и, как обычно, сделали его в виде розочки, добавили туда капельку мёда, и скоро в гнезде появится полным-полно молодых ос.

— Гм, ну и что? — робко спросили работницы.

— Как «что», вы не знаете? Ну, тогда я расскажу вам, что, — важно продолжал муравейчик, потирая руки. — Там, наверху, за грудой камней, в дупле ореха, который буйно цвёл весной, есть гнездо немного побольше. Но это не цветок, не роза, оно

похоже на огромный замок со множеством этажей, будто дом для сотни шмелиных семей, это большое, очень большое гнездо шершней. Они прилепили его туда в позапрошлом году, а в этом пристроили снизу ещё один этаж. И вскоре выпустят много-много новых, молодых, сильных шершней.

— Гм, ну и что? — снова робко спросили работницы.

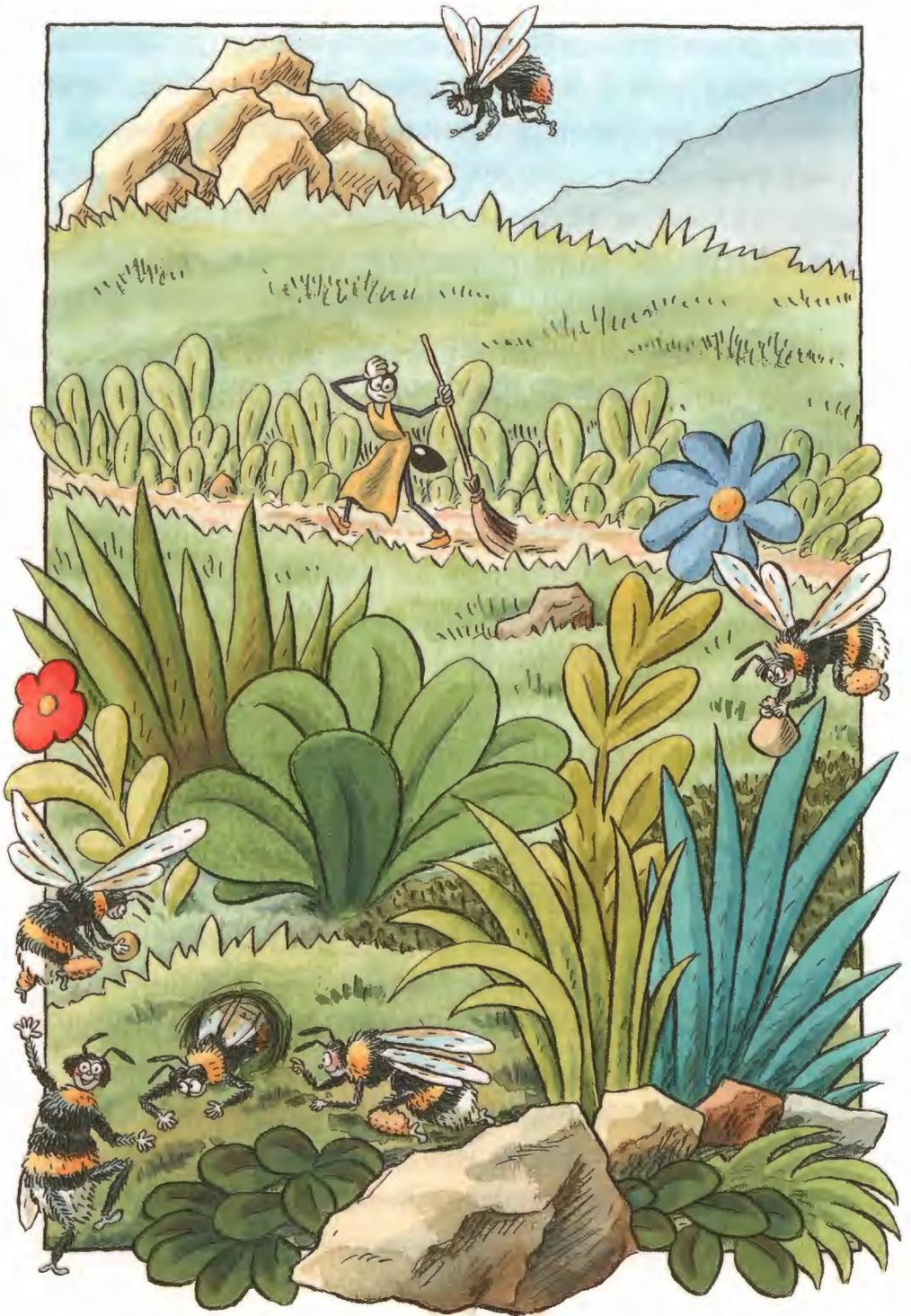
— «Ну и что»? «Ну и что»? И зачем я вам только рассказываю? — рассердился маленький муравей. — А то, что осы и шершни помогут нам прогнать мальчишек, а маленький никчёмный муравьишка, который здесь у вас всего лишь подметал, выручит вас из беды. Позовёт на помощь ос и шершней, и все шмели будут спасены.

Осы и шершни? Они нам помогут? Это чудесно.

— И ты сможешь? Ты с этим справишься? И злым мальчишкам-разгильдиям ничего не удастся сделать? — не переставали удивляться шмели-работницы, хлопая по спине муравьишку. — Вот здорово! Ты молодец! Мы ни за что не догадались бы, кто бы мог подумать! — восторгались шмели. — Слава муравью! Мы спасены, муравейчик всё устроит.

Шмели смеялись, обнимали малыша-муравья, восхищались им и довольные разлетелись кто куда за запахами, цветами, сладкими соками. Они больше не заботились о своей участи.

Только Анинка всё-таки немного побаивалась. Совсем немного. Она просто не представляла, как

такое возможно. Что осы и шершни будут делать? И почему они будут это делать? Но всё же надеялась, что добряк-муравьишка спасёт её дочерей.

Хитрый план и новый сон Анинки

Как же отблагодарить шмелей за их сладкую кашу и доброе отношение? Ну конечно, вот же самый подходящий случай. Маленький муравейчик каждый день подметал перед шмелиным гнездом, каждый день получал за это капельку сладкой кашицы. Однако он никогда не съедал угощение сам, а бежал в муравейник, чтобы поделиться с остальными, и за эту доброту весь муравейник теперь имеет возможность отблагодарить шмелей.

Но каким образом? Понятно, чуда не произойдёт, но можно что-нибудь придумать. Что-нибудь такое, чтобы осы и шершни послушались, а мальчишек-разгильдяев заставило понести наказание.

— Знаете что, — предложил добряк-муравьишка, — запирайте меня на всю ночь в эту клетушку, и я там попробую придумать то, до чего ещё никто не додумался.

Муравья закрыли, он провёл там всю ночь и до утра придумал просто невероятный план. На следующий день весь муравейник знал, что надо делать, и стал сразу же приводить план в действие.

Это была хитрость, удивительная хитрость, придуманная маленьким муравьём.

Сначала всё выглядело совершенно невинно. Как обычно, муравьи потянулись к осиному гнезду посмотреть, не упала ли на тропинку капелька мёда. Оказавшись под гнездом, они, словно это было правдой, рассказывали друг другу:

— Представьте себе, в следующий вторник мальчишки собираются разорить все осиные гнёзда. Вы уже слышали новость? Трое злых мальчишек. Кто бы мог подумать? Якобы начнут они с замка госпожи на склоне, затем возьмутся за шмеля земляного, а потом будут всё рушить и уничтожать без разбора. Но главная их цель — осы.

Муравьи, этикие хитрецы, продолжали вертеться под гнездом, будто они нашли что-то ценное.

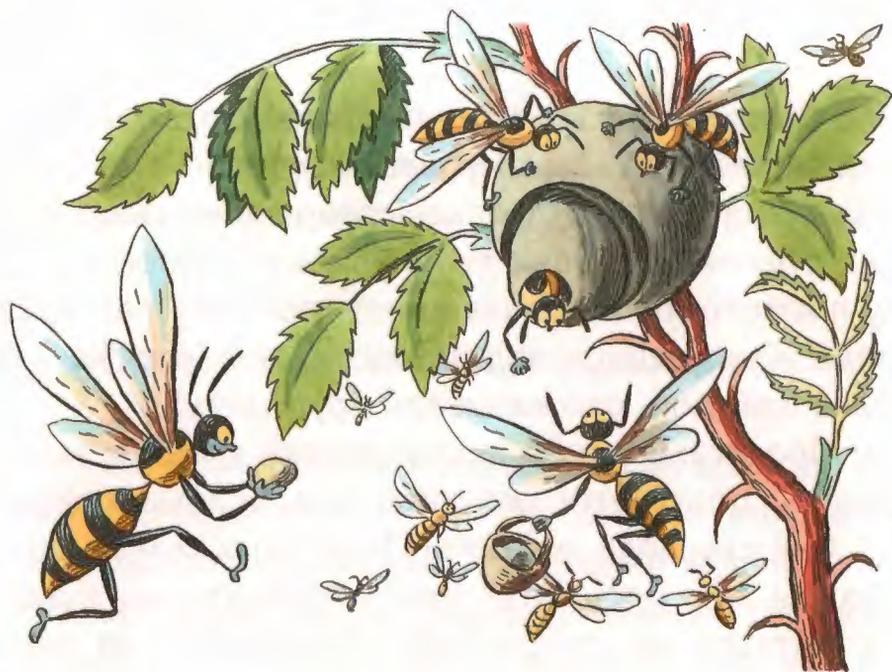
Осы, само собой, слушали странную новость во все уши. Они кружили над муравьями и ничего не могли понять. Но муравьи гнули свою линию:

— Ну я же говорю, они хотят погубить всех ос, а во вторник они встречаются у замка. Вот уж не хотели бы мы оказаться в их шкуре.

От такой болтовни, хотите верьте, хотите нет, у ос голова пошла кругом.

Несколько выше, на дереве у шершней, было не лучше. Туда отправилась другая группа муравьёв.

— Потрясающая новость. Вы ещё не знаете? — шептались между собой муравьи, делая вид, будто не замечают, что шершни их слышат. — Все гнёзда

шершней мальчишки хотят уничтожить. Начнут, якобы, в следующий вторник. Сначала они атакуют госпожу замка, а потом — вперёд на шершней и ос! Настоящая катастрофа.

Шершни прислушивались, наострив уши; они были просто обескуражены.

— Боже праведный! Нас ожидает нечто подобное?! — почёсывали они за усиками. — Неужели они всех хотят погубить?

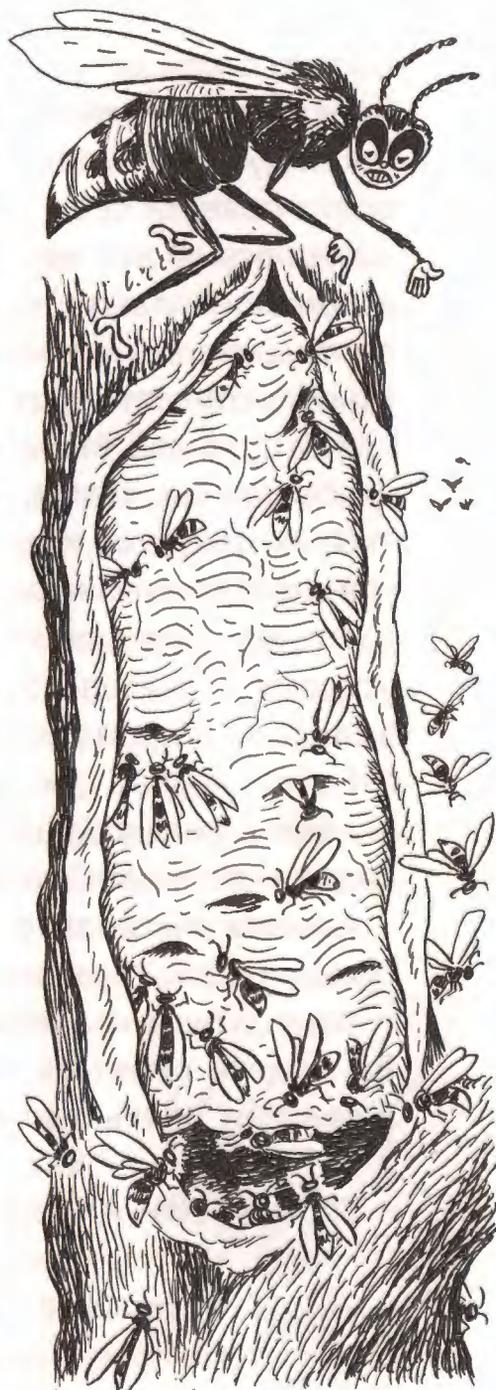
Короче говоря, шершни поверили в эти байки, так же, как и осы:

— Мы, шершни, не можем этого допустить! А вы, муравьи, как обо всём узнали?

— Ой, вы нас слышали, что ли? Мы даже и не заметили. — Муравьи делали вид, что изумлены, и не хотят говорить. Но когда получили немнож-

ко мёда, сразу разговорились: — Серьёзно, в самом деле, господа шершни, мы узнали об этом из достоверных источников. Некая госпожа рассказала, что во вторник трое мальчишек хотят изничтожить всех шершей и ос. Говорят, что каждому мальчишке за это поставят большой памятник, потому что они станут самыми известными в мире. Придут они как будто во вторник и будут прежде всего истреблять шершей. Но, пожалуйста, — шептали они таинственно, — господа шершни, никому ничего не рассказывайте, потому что — тсс! — это большой, большой секрет. Мальчишки начнут во вторник с госпожи замка, — не забыли они напомнить под конец.

Ужас! Такая страшная новость. Все шершни тут же вернулись в гнездо и сразу начали совещаться, как

быть в такой ситуации. Осы тоже поверили в эти байки, испугались и полетели в своё гнездо и тоже стали думать и гадать, как поступить. Они не позволят извести себя троим мальчишкам. Ни шершни, ни осы. А что же их гнёзда? Ведь там дети! Они должны их спасти. Ну, если мальчишкам так хочется, то смыслёные насекомые им покажут... Они быстро справятся с тремя разгильдяями.

Всё шло как по маслу: хитрость на удивление сработала и с осами, и с шершнями.

Орех трясло от испуганных шершней, дикую розу трясло от испуганных ос, только в гнезде на склоне, у Анинки, было спокойно. Добряк-муравейчик всё устроил. В гнезде шмелей, против которых и готовилось жестокое истребление, никто не боялся.

Работницы, а их было уже много, вернулись к ночи в гнездо, накормили личинок, наполнили кадки с запасами, дали поесть маме и уснули.

Анинка вытерла рот, за всеми убрала, в красивый рядок горшочков отложила новую кладку и тоже уснула сладким сном. И ей приснился сон. Вы будете смеяться: ей опять что-то приснилось, и сон этот опять был о её замке.

ТРЕТИЙ СОН АНИНКИ

Замок, который ей приснился, был обнесён высокими стенами с расклеенными на них цветными плакатами.

Шмель — лучшее создание в мире,
поставьте ему памятник

Так там было написано. Вокруг росли сплошной клевер и люцерна, и всё это должны были облететь и опылить её работницы во главе с первой в мире принцессой Майдаленкой. У неё пока не было времени. В самом большом зале у неё была организована школа, и там она учила других работниц.

— Трижды три — восемь, дважды девять — пятнадцать. Пять и пять — два. Напишите на доске!

Но никто не хотел такое писать, поскольку все знали, что это неправильно.

— Пожалуйста, сосчитайте как следует.

Ни одна работница, однако, не смогла. Но вдруг объявился маленький мураш и написал на доске правильный ответ. Тут Майдаленка расхохоталась так, что даже закашлялась, и сказала:

— Я специально так сделала, чтобы вы сами дали правильный ответ.

Затем она начала учить работниц считать правильно, как и должно быть.

В это время сны как-то перемешались, и она оказалась в окружении ос и шершней. Они летали туда, летали сюда, а среди них

бегали трое мальчишек-разгильдяев. Сначала они бегали, потом остановились перед господином учителем и доложили:

— Во вторник, через неделю, памятник будет наш!

Господин учитель пожал плечами и ответил:

— Спросите об этом памятнике у Аделки Сви-
стуйкиной. Она вам лучше других расскажет, где он находится.

Потом опять возникла какая-то странная путаница, которую невозможно пересказать, и Анинка крепко уснула.

Всё выглядело так, будто никаких злых мальчишек никогда и не было. Все думали только о работе. Из гнезда Анинки вылетела заботливая Майдаленка с намерением выполнить грандиозный план опыления. Всё надо сделать в определённом порядке. Какая-то бригада полетит на поле с клевером у Больших камней, другая — в сторону Веснина, ещё одна — на Горочки и так далее, а там и за берёзовую рощицу. У Майдаленки всё было записано в блокнот.

— Ах, как хорошо ты выглядишь! — восхищались работницы из других гнёзд, когда подлетели к ней. — Мы уже всех наших...

— Тсс! — многозначительно глянула на неё Гедвика, та, что из луговых шмелей, и все сразу смолкли. Совершенно правильно сделали, об этом

не стоило всем рассказывать. У луговых и каменных шмелей, а также и в других гнёздах всех первых работниц давно похоронили. В конце концов, и те, кто родился с Майдаленкой, уже умерли, потому что у шмелиных работниц короткий век, но в присутствии Майдаленки не стоило об этом говорить, правда?

Так что все Майдаленку хвалили:

— Ах, ты просто цветёшь и такая энергичная. Мы даже сравниться с тобой не можем!

А Майдаленка действительно держалась. Она, хотя немного высохла, состарилась, но сохранила энергию, шельма этакая, и её все слушались. Вот и сейчас все шмелиные работницы разлетелись согласно её плану.

Информация о плакатах разлетелась в разные стороны, и все узнали о собрании в трактире «У Жучковых». Господин учитель, нарисовав на доске шмелей, рассказывал:

— Этот пёстренький с белой попкой — шмель земляной, чёрный, с огненной попкой — шмель каменный, а этот коричневый называется шмель луговой. Повторите!

Ученики легко повторили за учителем, потому что всё знали.

Теперь всё изменилось. Один мальчик получил от папы подзатыльник за то, что бросил в шмеля кепкой, и старенькие бабушки в деревне уже говорили, что процессия на клеверное поле

ни к чему. Какая там святая вода?! Если надо, польём как следует. Ну, в конце концов, обо всём позаботятся шмели. Ведь им Аделка Свистулькина подробно и доходчиво всё объяснила.

Только Казимир Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин не изменились. Они не отказались от своих намерений. Боже мой, во вторник! Это будет их день. О вторнике никто не знает, даже «У Жучковых» не слышали, и господин учитель тоже. Во вторник, в этот славный вторник, все шмели будут уничтожены. Мальчишки их уже нашли, уже выследили и во вторник нападут.

Мальчишки не имели ни малейшего понятия, какую байку распространили муравьи, и не знали, что встревоженные шершни и осы готовят им в этот знаменательный день.

Получилось так, что в роковой вторник на склоне были лучше готовы к обороне, чем ученики в школе к урокам.

Во вторник сразу после школы и обеда Казимир Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин вышли из дома.

— Сегодня мы расправимся со шмелями, и уже завтра во всей округе ни одного не останется! — радовались мальчишки и по дороге лепили из мягкой глины шарики для гнёзд. — Начнём со склона, и горе тому, кто попробует нас остановить.

Мальчишки были полны отваги и весело шагали с высоко поднятыми головами.

А в это время в поле всё было приведено в полную боевую готовность: осы ждали на кусте, шершни — на орехе, работницы шмелей сидели на цветах, а муравьи собрались на вершине муравейника, чтобы увидеть происходящее.

— Идут, идут! — прилетела с сообщением Майдаленка, караулившая внизу, и все сразу, как могли, напрягли глаза и уши.

БОЛЬШАЯ БИТВА НА СКЛОНЕ

Трое мальчишек-разгильдяев спокойно шли, посмеиваясь и весело оглядываясь вокруг, поддавали ногами камушки и размахивали руками.

— Мы быстренько с ними расправимся, — уверенно рассуждали они. — Исполнится наконец наша мечта.

Никому из мальчишек и в голову не могло прийти, какую ловушку им приготовили. Этот жёсткий заговор они запомнят на всю жизнь. Но сейчас мальчишки предвкушали победу. На меже их уже ждёт шмелиное гнездо, с которым они справятся одной левой. Раз, два, и конец. Потом они

закидают землёй ещё несколько гнёзд, и памятник им обеспечен.

Казимир Глупцов, шедший впереди, начал насвистывать известную песенку, остальные весело подхватили. Это будет здорово. Уже сегодня они станут героями и, может быть, плакаты с их портретами развесят повсюду. На воротах амбаров, на заборах, на домах будут красоваться наши герои, и все будут перед ними преклоняться. Вся школа будет им завидовать, и даже господин учитель.

А в это время на склоне мальчишек уже поджидали. Казимир Глупцов приближался с заступом в руках, за ним следовали двое его друзей, они уже не насвистывали и продвигались с большой осторожностью.

— Лойза, ты готов? — тихо прозвучал вопрос.

— Да, — ещё тише ответил приятель.

— Пепик, кепку приготовил? — прошептал Казимир. Но Пепик от волнения забыл, что должен делать, так что мгновенно сорвал кепку с головы и на цыпочках крался с остальными.

— Внимание! — скомандовал Казимир. — Вперёд, ой-ой-ой! — вдруг завопил он, потому что в лодыжку ему вцепились три шершня.

— Ой-ой-ой! — закричал Лойза, пытаюсь поймать осу, забравшуюся под рубашку.

— Ой-ой-ой! — присоединился к друзьям и Пепик Пышкин, вытряхивая из рукава четырёх шмелей.

Началась ужасная суматоха, которая не могла присниться даже в самом смелом сне Аники. Мальчишки носились из стороны в сторону, а между ними — шершни, осы, шмели жалили их со всех сторон.

— Значит, вы готовились напасть на нас? Вы собирались истребить всех ос и их детей? — возмущались осы, бросаясь на мальчишек с гневными упрёками и жаля их.

— Так, значит, вы на нас напали? Вы хотели разорить все гнёзда шершней? — смеялись шершни и накинулись на мальчишек. Они вели себя, как обычные шершни — жалили, куда придётся.

— Так вам и надо, умники, теперь получайте. Кто вам такое насоветовал — напасть на шмелей? — восклицали разозлившиеся шмелиные работницы и атаковали мальчишек со всех сторон, и к ним присоединялись всё новые и новые шмели.

— Где они? Мы тоже хотим на них поглядеть с близкого расстояния, хотим их погладить, — настаивали те, кто появился позднее. — Мы тоже хотим этих высоколобых приласкать. Вот вам, голубчики! Сейчас мы вам на ушко пошепчем и волосики потрепем!

Это была великая битва, а сколько было обнажено острейшего оружия — и не сосчитать. Временами битва проходила в тишине, а иногда сопровождалась громкими возгласами, и, хотя кровь не лилась, вскоре стало понятно, на чью сторону

склоняется победа. Мальчишки долго не думали, они быстро осознали своё позорное поражение. Никто никогда не видел такого бегства. Осы, шершни, шмели летели вслед за мальчишками, а те улепётывали без оглядки через поле, луг, канавы и пригорки. Казимир бросил заступ; Лойза, убегая, бросил пиджак; Пепик, потеряв кепку, не придумал ничего лучше, как валяться по земле. Только в рощице на горке они пришли в себя. Сколько в них было жал, не смогла бы сосчитать даже Аделка Свистулькина.

— Уф, хорошо, что эта рощица растёт близко, — выдохнул самый старший из ребят Казимир, — иначе мы не смогли бы от шмелей избавиться.

— Уф, всё-таки немножко больно, — стонал Лойза, ощупывая своё искусанное тело.

— Уф?! А я вам говорю, а-ах, и-их, оу-ау, — подвывал, держась за лицо Пепик, — ужас какой-то. Мне показалось, что это были совсем не шмели!

— Ай-ай-ай, ой-ой-ой! — скулили все трое, поскольку в местах укусов стало серьёзно жечь. — Здорово они нас проучили, задали нам перцу! Да, досталось! У-у-у! А почему собственно? Кто первый предложил идти на шмелей? Это ты! Нет, ты! Всё-таки это был ты! Нет, вовсе не я!

Ну-у-у, теперь в рощице началась новая битва — между мальчишками: они начали ругаться, показывая друг на друга, и выяснять, кто первый придумал разорять шмелиные гнёзда.

— Это не я, я всегда говорил, что их надо охранять, — кричали они, перебивая друг друга.

— Так тебе и надо, мало тебя жалили, — показывали они друг другу языки и обвиняли один другого до тех пор, пока не устали и уже не могли ворочать этими самыми языками, потому что их лица отекали от укусов.

На следующий день ситуация осложнилась тем, что утром все ученики должны были явиться в школу красивыми: чистыми, причёсанными, в нарядной одежде, потому что ребят собирались фотографировать. Господин фотограф обещал прийти с большим фотоаппаратом и сфотографировать весь класс вместе с господином учителем. Каждый получит фото, и почти в каждом доме Молодцова его повесят на почётное место. «Видите, — будут они говорить через несколько лет, — видите, вон там сзади мальчика с оттопыренными ушами? Это я, таким я был в детстве».

Все без исключения должны сфотографироваться, хотя бы потому, что многие уже постриглись и сейчас им делают проборы на ту или другую сторону или зачёсывают назад волосы, пока они влажные. «Встань так, чтобы тебя было хорошо видно, а не только нос либо подбородок!» — советовали ребятам родители. Каждый хотел, чтобы его потомок выглядел на фотографии как можно лучше.

А что же, скажите, пожалуйста, делать нашим мальчишкам-разгильдиям? Куда встать? Покусанные, с отёкшими лицами... Где бы они ни стояли, их распухшие носы и подбородки будут торчать из-за спин остальных.

Они выглядели жалкими, но всё равно шли. Шли медленно, прикрывая лица, но всё-таки шли. В классе они удручённо сели назад за свою мятежную парту. Печально склонили головы, но это не помогло.

— Вы выглядите так, будто вас покусала тысяча шершей! — заламывал руки над тремя мальчишками-разгильдиями господин учитель. — В таком виде вы не сможете с нами фотографироваться, ведь ваши лица будут торчать на фото со всех сторон, вы нам всё испортите! Что с вами случилось?

Господин фотограф тоже всплеснул руками, правда, не так многозначительно, а несколько тоньше, оставив при этом мизинцы, учтиво поводил глазами, отведя одну ногу назад, но говорил то же самое:

— Ах, ничего не получится, эти три господина не могут фотографироваться со всеми. Их личики будут появляться на фото и там, и здесь. Тут мелькнёт подбородок, здесь носик, это

действительно невозможно. Пожалуй, я этих троих господ сфотографирую отдельно. Что же вы всё-таки делали? — И он элегантно пригладил волосы даже там, где их давно уже не было.

Щёлк! И господин фотограф сфотографировал вместе с учителем всех приодетых, вымытых и причёсанных учеников и учениц, а этих троих господ сфотографировал потом отдельно. Он отвёл их в уголок двора, поставил рядом и... щёлк! Зафиксировал на плёнку, сделал отдельный снимок, чтобы не испортить фото всего класса.

— Завтра фотографии будут готовы, приходите и приносите деньги.

И все разошлись по домам. Завтра у каждого будет свой снимок.

ФОТОГРАФИЯ ТРОИХ ГОСПОД И МИФ АНИНКИ

И наши мальчишки-разгильдяи, трое наших господ, тоже приготовили деньги, однако до школы на следующий день они не дошли. Задержались возле овчарни.

— Смотрите, — остановился толстяк Пепик Пышкин и со страхом показал на ворота. Что там такое? Ворота были хорошо заперты, абсолютно целые, даже футбольный мяч из них не торчал, но на них висел новый плакат. Большой, цветной плакат. На нём красовалась увеличенная фото-

графия троих мальчишек-разгильдяев, три лица — сплошные отёки, опухоли и подтёки, три бесформенных блина, и под ними большими буквами подпись: **ТАК БУДЕТ С КАЖДЫМ, КТО ПОСЯГНЁТ НА ШМЕЛЕЙ!**

Какая-то коза пыталась дотянуться до плаката, но не дотянулась.

— Да ведь это мы, — прошептал ошеломлённый Пепик.

— И верно, — с удивлением подтвердил Лойза.

— Мы осмеяны навечно, — опечалился распухший Казимир. — Пошла прочь, коза!

Коза отбежала за угол овчарни, но плакат остался.

— Идём отсюда поскорее, — сказали ребята и отправились дальше. Однако снова остановились.

— А там другой! — в отчаянии воскликнул Лойза, и правда, на заборе у дома священника тоже висел плакат с тремя распухшими, покусанными лицами мальчишек-разгильдяев, а перед ним топтались несколько ребят и девчонок из школы. Они показывали на фотографию пальцами, громко переговаривались и веселились.

— Быстро отсюда, ведь мы не хотим, чтобы нас высмеяли, вон, уже потешаются, — тащил ребят Казимир Глупцов. — Скорее отсюда, куда-нибудь, где нас никто не знает, где нас никто из деревенских не увидит.

На краю деревни на зелёном домике они снова увидели плакат со своими опухшими, омерзительными лицами и потом уже бежали, бежали без оглядки; они остановились только в густом лесу. На горке, где их никто не мог видеть. Там было одно место, о котором никто не знал. Среди деревьев и кустов скрывалась небольшая полянка, и на ней ещё до вечера мальчишки успели поставить палатку. Они решили, что останутся там до тех пор, пока с лиц не сойдут отёки и опухоли. Конечно, им придётся голодать, будет скучно, родители станут их разыскивать, но другого выхода они не видели.

Что бы вы сказали, если бы в вашем классе отсутствовали три отличника? Вы удивились бы, и учёба вряд ли пошла впрок. Что бы, например, случилось, если бы не появилась Аделка Свистуль-

кина? Всё пошло бы наперекосяк, потому что никто всё время не тянул бы руку, никто не мог бы так хорошо ответить на все вопросы, как это умела Аделка Свистулькина, которая всегда всё знала. К счастью, Аделка присутствовала и всё время тянула руку, отвечала своим высоким голосом, и поэтому ученики были рады, что парта мятежников в конце класса несколько дней оставалась пустой. В классе хотя бы было спокойно, никто не мешал и не говорил глупости. Представьте себе, учитель даже обещал ребятам ещё одну вылазку в окрестности посёлка, поскольку ученики хорошо себя ведут и хорошо выполняют задания.

Для вылазки на природу время было очень подходящее. Ну а раз погода благоволила, то и шмелей становилось всё больше, гнёзда их росли, и из восковых домиков, за которыми тщательно ухаживали мамочки и шмелиные работницы, вылетали всё более сильные шмели. Все в Молодце потирали руки, когда видели столько шмелей, а старший Шалунов даже думал, что это последствия вывешенного им объявления.

Разумеется, шмели действовали ещё до того, как появилось объявление господина Шалунова. Они уже родились такими трудолюбивыми, а теперь были готовы надорваться на работе. Шмели не пропускали ни одного цветка, вылетая из гнезда, а находясь там, обращали внимание на любую мелочь. Посмотрели бы вы на владения

Анинки. У входа дежурила Майдаленка. Она осматривала каждого, кто вылетает, и каждого, кто прилетает. Все возвращавшиеся в гнездо должны были показать, что они добыли.

— Ты собрала достаточно мёда? А нектара? — спрашивала она работниц. Каждая должна была всё доложить, а потом ещё показать Майдаленке лапки, чтобы увидеть, сколько в корзиночках пыльцы.

— Ты собирала для гнезда, мамочки и других работниц? Хорошо, этого достаточно, можешь идти домой. А у тебя недостаточно. Давай обратно! Ты мало принесла, неси ещё.

Ну, если уж приказала стража у входа, нерадивая работница возвращалась, чтобы выполнить норму. Иначе было невозможно, установленный порядок нарушать нельзя. Только когда работница прилетала

полная мёду и с лапками, обсыпанными пыльцой, она могла вернуться в гнездо.

Когда же вечером все слетелись и разложили добычу по местам, мама Анинка обещала, что перед сном сыграет. Это будет прекрасно. Работницы уселись, личинки наострили ушки, никто

даже не пикнул, и Анинка начала играть своими крылышками. Звучание было такое, словно играли на трубе, это была замечательная шмелиная музыка, очень трогательный вечерний концерт. Никто не уснул, не мешал, потому что все ждали, когда Анинка начнёт ещё и петь. И дождались. Она запела. Красивую героическую песню о том, как она спасла шмелиные гнёзда от разорения злыми мальчишками.

Пела о том, что произошло несколько дней тому назад, правда, кое-что она переделала по-своему. Анинка пела, как мужественно вели себя шмели, что они совсем не боялись, кое-что прибавляла по своему усмотрению, слегка преувеличивала, если считала нужным, однако это всем нравилось. Пела о том, что шмели доблестно противостояли (вы только послушайте) десяти армиям злых мальчишек, и чем всё кончилось. В её песне все шмели были героями, все бесстрашно сражались, но среди них особенно выделялся своей красотой и силой один молодой трутень Шмелёночек. Разумеется, такого в гнезде не было, его Анинка просто выдумала, но не это важно, в её песне он всегда ввязывался в самый трудный бой и всех удивлял своей богатырской силой. Например, он, смеясь, выскакивал, одной лапкой хватал за волосы десяток мальчишек, другой лапкой хватал еще десяток мальчишек и, мощно размахнувшись, бросал их за три пруда и пять нагромождений камней. Все оцепенели при виде

такого героического поступка, но в это время на него набросились пятьдесят мальчишек. Явный перевес сил противника. Это означало полный крах, все затаили дыхание. Пятьдесят мальчишек в один момент погубят героя. Двести шмелей в эту минуту бросились на помощь своему товарищу, но Шмелёночек гордо сказал: «Нет!» — и просто стал вращаться с мальчишками, висевшими у него на шее; сначала он вращался медленно, потом всё быстрее и быстрее, а затем просто очень-очень быстро, а по мере того, как он кружился, мальчишки начали отваливаться. Они летели, как камни, пущенные из пращи. Покружившись на земле, мальчишки падали и могли только прошептать:

— Шмели нас победят.

Через короткое время все они валялись на земле, а Шмелёночек был свободен. Он на них даже не взглянул, только небрежно вытер лоб и произнёс:

— Пить хочется!

После этого к нему лёгким шагом выбежала самая красивая из всех шмелиных работниц — Майдаленка с кубком сладкого нектара и подала герою.

— Спасибо тебе, красна девица, — громко поблагодарил её Шмелёночек и одним глотком осушил кубок. В это время он заметил, что с противоположного конца луга на него движется предводитель всех злых мальчишек, самый сильный, самый злой и самый грозный боец Франта Живодёр-Всехразнесу. Он утёр нос грязным рука-

вом, заправил грязную, рваную рубашку за пояс и сказал так:

— Эй ты, шмель Шмелёночек, легко ты справился со слабой мелюзгой мальчишеской, а теперь попробуй одолеть меня в честном бою.

После этого противники смерили друг друга воинственными взглядами и стали сходиться. Сначала свистнул Франта Живодёр-Всехразнесу. Это был жуткий свист, какого никто и никогда из себя не извлекал, какого никто никогда не слышал. У всех шмелей затряслись крылья, у мальчишек волосы встали дыбом, и ветер громко заскулил. Каждый подумал, что теперь-то уж пришёл конец Шмелёночку, сейчас он рухнет, свалится на землю и предводитель мальчишек победно и гордо наступит ему на грудь. Но Шмелёночек свистнул сам. Боже мой, какой это был свист! Он свистнул так, что по силе с ним не мог сравниться даже реактивный самолёт, такой свист невозможно было повторить. Все шмели подскочили, а у мальчишек улетели волосы. С плодовых деревьев во всей округе попадали яблоки и груши, а у господина Шалунова, находившегося далеко за Молодцовом, сдуло с головы кепку. Теперь противники схватились в рукопашном бою.

Трудно описать этот страшный бой, о котором ещё долгие годы будут всюду рассказывать. Бойцы бросились друг на друга, вокруг них поднялся столб пыли. Они так бились, так кричали, что было слышно даже за горой в Поджидалове. У Франты

Живодёра-Всехразнесу один глаз был синий, палец на ноге вывихнут; у Шмелёночка были длинные царапины на носу и шее. Тут он схватил Франту Живодёра-Всехразнесу за пояс и вогнал его по щиколотки в землю.

Тот только дьявольски расхохотался и схватил Шмелёночка.

— Я тебя вгону ещё глубже! — сказал он и вогнал противника в землю по колено.

— А я, я тебя вгону ещё глубже! — сказал Шмелёночек и вогнал Франту в землю по бёдра.

— А я тебя вгону, вгону тебя ещё чуть глубже, — ответил Франта и вогнал Шмелёночка в землю по пояс.

— А я тебя вго... вго... вгону, — тут Анинка начала путаться, — нюго... я тебя... ещё. — И Анинка уснула.

— Хррр, хррр, хррр, — храпела она.

Среди детей и личинок прошёл шумок.

— Спит. Тихо. Она уже старая, пусть спит, завтра дорасскажет. — И все тоже уснули в блаженной надежде, что завтра Анинка закончит свой рассказ. Им сладко спалось. Однако на следующий день всё повторилось: Анинка рассказывала, пела, потом её язык стал заплетаться, и она уснула. Она уже и правда состарилась.

Так же, как и шмели, о своих подвигах, приписывая себе все заслуги, рассказывали и пели осы. Они тоже, разумеется, забыли о шмелях и шершнях

и распространялись только о героических осах, о том, как мальчишки хотели отнять у них чёрные пояски, которые они повязывают на талию.

У шершней всё было проще.

— Мы к такому привычные! Дракой больше, дракой меньше! Пффф! Попробуйте только напасть на гнездо шершней, увидите, что получится! Всех пережалим!

Только муравьи отнеслись к этому очень серьёзно и решили, что надо довести дело до конца. Они побежали к осам и шершням и сообщили, что всё закончилось, всё улажено и наши победили. Что уже никто ни на кого не отважится нападать, так что все могут спокойно оставаться на своих розах и в замках. Всюду царят мир и спокойствие, и каждый может заниматься своим делом.

Так что воцарился мир и спокойствие, и каждый занимался своим делом. Ну а раз муравьям удалось всех успокоить, то они решили это отпраздновать, вывесив хотя бы на один день знамя над муравейником.

Что случилось с троими господами в лесу На горочке

Только в лесу На горочке в эти дни было совсем тихо. Трое господ, а это наши трое мальчишек-разгильдяев, лежали в палатке и остужали свои

искусанные лица. С каждым днём их лица становились всё лучше и лучше, так что скоро они вернутся в деревню. Днём они, спрятавшись, лежали в лесу и старались, чтобы их никто не увидел. Только вечером, когда было уже темно, они шли домой поесть. Каждый раз они получали — кто по спине, кто ниже — розгами, ремнём или верёвкой, так что им пришлось вытерпеть и это.

Наконец в один прекрасный день мальчишки покинули лес и вернулись в деревню. На их лицах уже не осталось никаких следов от укусов, не было ни опухолей, ни отёков. Теперь они выглядели вполне приличными ребятами, а когда умылись и почистились, могли уже появиться на людях. Первое, что они сделали в Молодцове, пошли посмотреть на плакаты, где красовалась их фотография, фотография троих покусанных, распухших, безобразных мальчишек.

— Что это такое? — спросили они удивлённо в один голос. — Кто это может быть? Точно не мы, это чужие!

Мальчишки позвали своих одноклассников:

— Идите сюда, присмотритесь хорошенько, как выглядят Казик Глупцов, Лойза Неуёмов и Пепик Пышкин. Ведь они приличные, хорошие ребята! А теперь посмотрите на плакат, разве на нём кто-то из наших?!

Одноклассники топтались у плаката, таращились, глядя то на фото, то на мальчишек. Это действительно невозможно, совсем не похоже, и правда не они. С плаката смотрели трое злых, распухших, противных мальчишек, а перед ними стояли вполне приличные, приятные ребята. Это непорядок, неправильно, надо исправить ошибку. Что подумают люди, когда такое увидят, и все отправились снимать плакаты с физиономиями троих мальчишек отовсюду, где они висели.

Как же всё происходило?

Хороши были плакаты или плохи, но теперь всё выглядело иначе, на самом деле произошли изменения. Серьёзные. Теперь всё было по-другому. Трое господ с плаката, трое мальчишек-разгильдяев изменились. Да, именно они. Когда они вернулись в класс, уже не были разгильдяями, а были приличными ребятами, и их парта не была мятежной, мальчики всё время поднимали руку и отвечали без всяких фокусов.

Вот радости-то было в классе! Господин учитель вызывал ребят отвечать, глаза его светились, сердце пело, и он сказал:

— Мальчики и девочки, вы меня так порадовали, что я готов организовать вылазку на природу, раз вы так хорошо учитесь и так много знаете, я возьму вас с собой. Мы снова отправимся на природу всем классом.

Ребята обрадовались. Они соответствующим образом оделись, взяли еду и отправились в путь. Снова слышалось «Чёрная волна на белом барашке» и «Я в Кутна-Горе»*, а также «На пражском мосту растёт розмарин» и ещё много других песен, которые все с радостью пели. Особенно выделялся высокий голос Аделки Свистулькиной, звеневший на всю округу, и все говорили:

— Боже мой, опять у ребят весёлая вылазка.

Действительно, это была весёлая и приятная прогулка. Господин учитель ориентировался по карте и компасу, дети шли по памяти, потому что знали дорогу. Они проделали довольно большой путь и остановились немного раньше, чем предполагался перекус. Там был пруд, его называли Поколенник, потому что воды там было по колено. Однако пруд занимал довольно большую площадь.

— Смотрите ребята, шмель тонет, — прошептал господин учитель. В пруду, куда показывал учитель, барахтался шмель, пытаясь за что-нибудь зацепиться лапками, а вокруг ничего не было. Бедняга. Наверно, во время полёта он подумал, что куда-то

* Кутна-Гора — город в Чехии. — *Прим. пер.*

садится, но сел в пустоту, на воду. Если его никто не спасёт, с ним будет покончено, он утонет. Мальчики и девочки напряжённо наблюдали за отчаянной борьбой, в волнении переминаясь с ноги на ногу. Но что это? Трое мальчишек-разгильдяев, пардон, трое причёсанных хороших мальчиков, которые постоянно поднимали руку и правильно отвечали, начали разуваться. Казимир, Лойза и Пепик отважно прыгнули в воду, приблизились к шмелю и осторожно посадили его на широкий зелёный лист.

Весь класс видел, как они вытащили шмеля и положили сохнуть на солнышке.

— Ну что, мореплавателю, мы спасли тебя. Вот, поваляйся на солнышке, подсохни. Теперь можешь расправить крылышки и попробовать лететь. Добрые ребята тебя спасли!

Наши герои оставили бедного шмеля на листке, чтобы он высох, огляделся, а когда он взлетел, провожали его сияющими глазами, пока он не исчез вдали.

Вы только подумайте! Ведь это уже не мальчишки-разгильдяи, которые преследовали шмелей,

смотрите — они совершенно изменились. Теперь это были трое хороших ребят, смотревших на насекомое с восхищением и любовью.

— Не ужалил нас, — сказали они с облегчением. — Хорошо, что мы оставили их в покое, они это заслужили.

И правда, с тех пор, искренне или нет, но шмелей они больше не обижали.

Весь класс, успокоившись, наконец, вздохнул.

— Вы видели? Они ничего ему не сделали. Отпустили. Они на самом деле исправились!

Хорошо, когда все стремятся совершать добрые поступки, которые в конце концов окупятся. Каждый радовался, глядя на этих троих, шагающих с остальными по лугам и полям. Они пели вместе со всеми, ни к кому не приставали, наоборот, норовили помочь каждому. Я говорю об этом очень тихо, чтобы меня никто не слышал, может, им действительно поставить памятник в деревне. Обязательно, чтобы они были узнаваемы, чтобы это были именно они, но под скульптурным изображением трёх примерных детей могло бы, например, быть написано:

Ребятам,
которые любили природу
и никому не досаждали,
благодарная деревня

Знали бы вы, как в деревне уважали природу и хороших детей. Кстати, другие дети тоже могли бы брать с них пример, говоря при этом: «А мы тоже хотим быть такими же, как эти три парня. Мы не будем ничего разрушать, может, и нас похвалят». Господин учитель в такой деревне не мог бы нахвалиться на своих учеников. Смейтесь надо мной, сколько хотите, но я задумался бы над этой идеей.

В конце концов, пусть в деревне поставят любую хорошую скульптуру, от этого будет только всем лучше.

УПРАЖНЕНИЯ В КУСТАРНИКЕ И СОВЕЩАНИЕ ПИОНЕРОВ

На следующее утро в кустах по дороге к Поджидалову проходили серьёзные учения:

— Так, тихо! Сейчас повторим то, что вчера пела черноголовая пеночка.

Папа выпрямился, выпятил грудь, поднял голову и затянул свою песню («Обратите внимание, у меня при этом клюв закрыт!»), повторяющую вчерашнее пение черноголовой пеночки.

— А теперь клюв открывается! — заметил папа. Он открыл клюв ещё шире и запел, громко-громко, прекрасную, торжественную арию, которой пеночка заканчивала свою песню.

— Так, а теперь попробуйте спеть, как я!

Дети, рассеянно переминаясь с ноги на ногу, посмотрели друг на друга, потом на папу, потом опять друг на друга, затем выпятили грудки, подняли головы и попробовали спеть вчерашнюю песню пеночки.

Они пели впятером, но даже не приблизились к папе, не справились. Разве что на треть.

— Ну, хорошо, хорошо, у вас горлышки ещё молодые, — быстро пресёк слабые попытки птенцов папа. — Попробуем лучше овсянку.

Попытка удалась, теперь получилось. Песня была короткой и простой.

— Ти-ти-ти, ти-ти-ти, т-и-и-и! — так дети уже умели.

Потом они подражали синичке. Затем кукушке. Ах, последняя получилась отлично.

— Это было замечательно, — похвалил птенцов папа. — Сейчас мы немного потрещим, как снегирь, а затем уже будем петь свою песню, песню сорокопута.

Птенцы немного потрещали снегирём и принялись весело щебетать «по-сорокопутски». Птенцы знали много шуточных песен. Сорокопуты умеют подражать практически всем птицам. Только что-нибудь услышат, тут же отрывочек повторят. С ними мог посоревноваться лишь скворец, тоже умевший обезьянничать. Потому что скворец, он... он мог бы изобразить граммофон или радио, столько всего умел.

В семействе сорокопутов было всё хорошо. Каждый сам добывал себе пищу, даже птенцы — ведь всюду летало полно мошек; несмотря на это, всем продолжал руководить отец, мог — вы уж поверьте — и взрослым детям приказать.

— Что хотите, что видите, то и ешьте, только на шмелей не обращайтесь внимание. Они мерзавцы, жулики; послушайте, как меня однажды обманул один шмель.

И папа сорокопут, уже бог знает в который раз, рассказал своим детям, как однажды он летал за Аниной, как долго её поджидал, и как, в конце концов, уснул голодным. Наверно, это был уже пятидесятый раз. К концу рассказа папа всегда пускал слезу, и хорошие детки, чтобы доставить радость папе, тоже начинали часто моргать и тереть глаза, будто им хотелось плакать.

— Ну, будет вам, не грустите, — великодушно успокаивал папа. — Что было, то было, я уже об этом не думаю. Забудем, однако шмелей настоятельно рекомендую игнорировать, мы их не любим.

— Да, шмелей мы будем игнорировать, мы их не любим, — послушно вторили дети и разлетались по всему краю, полному шмелей. Сороко-

путы не обращали на шмелей никакого внимания, хотя они летали у тех под носом.

В этом году их действительно было очень много, больше, чем в другие годы. Крестьяне, которые ходили по полям, потирали руки:

— Вот повезло-то! Они так много летают в клевере, ах, мы заработаем столько денег, что сможем построить новый коровник.

Хорошо, что насекомых столько. Это, видимо, потому, что в Молодцове их не трогают сорокопуты, и ещё потому, что детям о них рассказали в школе. Мальчишки их не беспокоили даже во время каникул. А селяне? Они напечатали новые объявления и наклеивали их на старые. Таким образом, тот, кто останавливался у забора, читал старое объявление «ПРИМЕМ НА РАБОТУ ЛЮБОЕ КОЛИЧЕСТВО ШМЕЛЕЙ» и одновременно новое со словом «СПАСИБО!». Видите, как они были благодарны!

Да, Майдаленка принесла Анинке известие о том, что молодцовские школьники готовят такое, что шмелям и не снилось. Состоялся совет пионеров, возглавляемый Властимилом Вождёвым, который не боялся говорить даже с господином школьным инспектором, который причёсывался так же, как господин учитель. Кто хочет его послушать, идите скорее!

— Пионеры, я хочу вам кое-что сказать, — начал Вождёв глубоким голосом. —

В последнее время у нас произошли различные события, и теперь мы должны всем продемонстрировать, что в нашей деревне и стар и млад с уважением относятся ко всему, приносящему пользу. — Как видите, Властимил говорил очень литературно. — Кое-где не знают, почему получается такой хороший урожай. Где-то думают, что всё получается само собой. Но мы в курсе дела, поскольку у нас люди умные, образованные и руководствуются полученными знаниями. Наш господин учитель знал про это, председатель кооператива знал, Аделка Свистулькина знала всё назубок. Люди радуются, что в этом году благодаря шмелям будет много семян клевера. Но, несмотря на это, что-то произошло, — откашлявшись, высморкавшись и проведя рукой по волосам, произнёс Вождёв и бросил мимолётный взгляд на наших троих мальчишек — Казимира, Лойзу и Пепика. — Кое-кто отправился разорять шмелиные гнёзда.

В эту минуту все посмотрели на наших мальчишек, и Аделка тут же подняла руку и собиралась сказать, что она знает, кто это был. Но Казимир уже сам встал, нахмурился и выкрикнул:

— Да, это было, но мы теперь другие. Раньше мы были глупыми, злыми мальчишками, лица которых красовались на плакатах. Мы бы...

— Ладно, ладно, Казимир, — перебил его председательствующий Вождёв и поднял руку, призывая к тишине. — Мы знаем, что ничего такого вы

уже не сделаете. И это правильно. Но ведь могут прийти другие несознательные мальчишки. Поэтому следующие десять дней мы будем выполнять боевое задание по обеспечению безопасности всех гнёзд от случайных вражеских атак. Мальчики и девочки распределяют обязанности между собой и сразу начнут работу. Согласны?

Все бурно выразили своё согласие, и так расшумелись, что Вождёв вынужден был поднять две руки, чтобы добиться тишины, но это не помогло, поскольку на улице всё началось сначала.

Боевое задание! Вот это да! Все будем работать.

Прежде всего делегация отправилась к господину учителю и попросила план деревни и окрестностей.

До вечера семь лучших рисовальщиков и рисовальщиц переносили план на большие квадраты. Красным карандашом нарисовали домики, жёлтым нанесли дороги, зелёным — поля клевера, работу с синим цветом оставили на завтра. Потому что на следующий день в окрестности деревни должны были отправиться лучшие следопыты, лучшие наблюдатели и лучшие ученики по природоведению. Их задачей было обнаружить все шмелиные гнёзда. После этого рисовальщики обозначат синим карандашом на плане найденные гнёзда.

Несколько умных голов придумали разослать письма в другие пионерские организации и рассказать, что они решили предпринять. Написать о том, как полезны шмели и как они будут обеспечивать

им охрану. Это была хорошая идея! Аделка Сви-
стувлькина написала письма красивым аккуратным
почерком, а Павел Шалунов, хотя и мямля, но всё-
таки был хорошим парнем, решил их украсить. Он
разрезал пополам добротную круглую картофели-
ну и на гладком срезе одной половинки вырезал
шмеля. Из половинки картошки получилась впол-
не симпатичная печать. И такую собственноручно
сделанную печать со шмелём Шалунов поставил
в уголок каждого письма. Это выглядело очень кра-
сиво, и все говорили, что таких замечательных пи-
сем уже давно не получали. Трое исправившихся
мальчиков — Казимир, Лойза и Пепик — вкладыва-
ли письма в конверты, заклеивали, лепили мар-
ки и относили на почту.

Пионерские письма — это не просто так. Это
серьёзно, значит, каждый задумается. А что, если
в результате этих писем среди пионеров возник-
нет какая-нибудь шмелиная акция? А что, если
всюду станут говорить: «Смотрите-ка, что в Мо-
лодцове придумали! Может, и мы кое-что смо-
жем. А у нас-то есть шмели?» Начни они искать,
почти ничего не нашли бы. Ведь шмелей к кон-
цу лета становится всё меньше и меньше. Какого-
нибудь плюгавенького, может, и увидели бы
и сразу начали решать, что делать. Молодцовское
движение хорошо бы подхватить! Возможно, их
учитель тоже придумает что-то подобное. В этом
Молодцове наверняка умный учитель.

Да, конечно. Легко сказать, господин учитель в Молодцове! Вы только посмотрите, сколько всего он делает! Сначала пошёл проверить планы Молодцова (как их мальчики и девочки нарисовали). Прочитал письма, которые написала Аделка Сви-тулькина, и исправил там пару запятых. Следопы-там посоветовал запомнить, где находятся гнездо шмеля земляного, где лугового, а где каменно-го. Сказал, что их надо уметь различать и необхо-димо пометить на плане, например, коричневым и чёрным карандашами. А потом предложил при-готовить номера, потому что в последний, деся-тый, день будет забег к гнёздам. И что надо заме-рить расстояние до каждого гнезда, поскольку это очень важно. Было бы хорошо указать все данные на карте. Вот это был учитель! Учитель, который думал обо всём. Мальчики и девочки были готовы прыгнуть за него в огонь.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ В МОЛОДЦОВЕ

Это не было каким-то маленьким незначи-тельным событием. Во всей деревне тоже с нетерпением ждали десятого дня. Папы и мамы говорили:

— Вы ещё увидите, на что способны наши дети. Да, в наше время такого не было. Эти озорники нас во многом обставят.

На десятый день действительно готовился большой забег к шмелиным гнёздам, но не обычный, а боевой, оборонный забег.

— Каждое гнездо получит свою охрану, — заранее определял задачу председатель совета отряда Вождёв. — К каждому гнезду побежит свой карательный отряд, и первое место займёт тот, кто прибежит первым. Но! — И как только он сказал «но», все замолчали и устали на председателя.

— Но все гнёзда находятся на разном расстоянии от старта, — продолжал Вождёв. — Если все стартуют одновременно, то первыми к цели прибегут те, чьё гнездо ближе. Но это несправедливо. Мы должны сделать так, чтобы все были в равных условиях. Например, Владя с Петером добегут до гнезда за полчаса, в то время как Неудачина с Ломакиной окажутся у цели за десять минут. Значит, сделаем так: Неудачина с Ломакиной стартуют через двадцать минут после Влады и через пятьдесят минут после Славека с Казимиром, которым предстоит бежать до своего гнезда целый час. Если мы будем придерживаться такого принципа, все окажутся в одинаковых условиях.

Все вздохнули с облегчением. Да, хорошо. Так будет справедливо. Вождёв толково разрешил проблему. Он всегда найдёт выход из положения.

Десятый день, день соревновательный. Все с трудом дождались утра и с радостью отправились к месту старта. Девочки красиво причёсанные,

мальчики пришли на боевое задание вооружёнными. У некоторых были только прутики, но большинство принесло деревянные мечи и сабли. Лойза вооружился деревянным ружьём через плечо на верёвке, а у Павла Шалунова на животе болтался автомат. Это было просто произведение искусства из дерева, и гвоздики были набиты в некоторых местах — ему, конечно, помогал папа.

— Раз у тебя автомат, значит, будешь генералом, — говорили ребята, глядя на него с восхищением.

— Нет, для этого нужны генеральские петлицы. Но если кто-нибудь хочет, я могу отдать автомат.

Все хотели подержать автомат. Павел всем разрешал, и мальчики надевали его на шею и целились друг в друга, и только когда появился господин учитель, ребята вернули драгоценное оружие Павлу.

— Вожатая уже пришла? — спросил господин учитель, как только появился. Но вожатой ещё не было, поэтому на стену, до её появления, повесили большой план местности — его нарисовал господин учитель, и на нём были пронумерованы все известные шмелиные гнёзда. Один, два, три, четыре... и так до восемнадцати. Столько гнёзд нашли. Об остальных пока ничего не знали.

— Так, а мы пока раздадим номера соревнующимся, — сказал господин учитель. Неудачина с Ломакиной, гнездо которых было ближе всего, получили первый номер. Лойза и Гонза — двенадцатый,

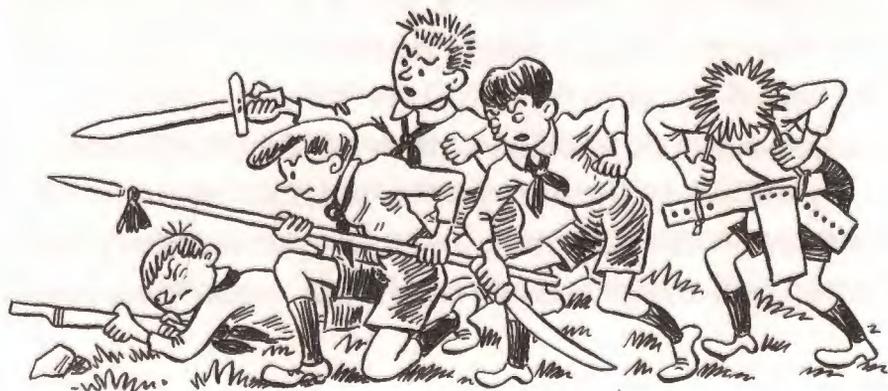
а Славек, его гнездо было самым отдалённым (час бега), получил восемнадцатый номер.

Несмотря на это Неудачина и Ломакина побежали, потому что они были чересчур старательными девочками, и через десять минут были у цели. Со всех сторон неслось «Е-е-есть!» от тех, кто уже прибежал к цели. Лошади в деревне прядали ушами, слышав отовсюду «есть!», крестьяне на полях оглядывались, кто это их зовёт, а бабушки выбегали из домов посмотреть, где эти окаянные дети играют в прятки. Ну а кое-кто, вспомнив, что проходят соревнования, покрутил головой и сказал:

— Да, да! В нашем детстве такого не было!

Таким образом, у каждого шмелиного гнезда вставал караул: мальчики и девочки, с красными галстуками на шее, с оружием в руках. Здесь были деревянные сабли и мечи, две пики; Лойза с ружьём наготове лежал, спрятавшись в траве, а Павел Шалунов сидел на дереве с автоматом в руках. Его папу, Шалунова-старшего задержали два пионера:

— Стоять, вы куда? Здесь в камнях шмелиное гнездо, осторожно, вам лучше его обойти!

Старший Шалунов — вы же знаете, какой он, — демонстративно остановился, потом сел, снял ботинки и тихонько обошёл гнездо.

— Скажите, пожалуйста, я уже могу идти своей дорогой? — спросил он смиренно. А когда пионеры строго сказали: «Можете», он снова обулся и пошёл дальше, при этом нарочно громко топая. Вот, такой шутник: использовал любой момент.

В полдень на смену пришла вторая партия ребят, так что целый день у всех известных гнёзд стоял караул.

— Это наши шмели, наши замечательные работники, и мы никому не дадим их в обиду, не позволим их обижать. Пусть весь мир увидит, как мы умеем оберегать их гнёзда.

Чёрт бы побрал соседей из посёлка Тихоходы, которые именно в этот день отправились в музей города Черешневый, и их путь лежал мимо Молодцова. Шли они, шли, и вдруг: «Тра-да, рататаа!» — Поругалов, взявший с собой трубу, протру-

бил сигнал тревоги. И из-за этого чуть не вспыхнула настоящая война. У кого были сабли, мечи, ружья, побежали к отдалённой ольхе, где обе группы встретились. Павел Шалунов выбежал вперёд, навёл на ошарашенных тихоходцев деревянный автомат и закричал громовым голосом:

— Кто посмеет сделать хоть шаг, станет сыном смерти!

Тихоходцы были крайне обескуражены, а учительница, которая сопровождала ребят, так напугалась, что предпочла развернуть свой отряд назад и пойти другим путём. В результате тихоходская школа подала письменную жалобу. (Конечно, кто же такое стерпит?) Поэтому господина учителя из Молодцова вызвали в Тихоходы в национальный комитет, где он долго объяснял, что речь шла о защите шмелей и не стоит беспокоиться. Правда, у госпожи учительницы от всего произошедшего несколько дней болела голова. А сколько бедняжка истратила на таблетки, она никому не сказала.

ТУК, ТУК, ТУК! ЭТО ОСЕНЬ

Что сказала лето, что — мамы и что — господин Шалунов

«Я каждый раз испытываю чувство растерянности и не знаю, что делать, а вот господин учитель Ворона нарисовал замечательный план окрестностей Молодцова! — постучало пальчиком себе по лбу Лето и с удовольствием отправилось взглянуть на вывешенный план. — Я здесь долго не задержусь, вскоре поспешу в более тёплые края, так что взгляну хотя бы, какой дорогой идти!»

И на самом деле, молодцовское Лето уже понемногу собиралось в дорогу. Утром на свежем воздухе оно делало зарядку, чтобы набраться сил, потом расчёсывало свои длинные волосы, которые ему сплели паучки, а днём Лето скоренько что-нибудь делало, дабы никто не сказал, будто оно всё время лентяйничало. Ну, в этом году оно как раз сделало достаточно, на клеверных полях, например. Цветы клевера уже становятся коричневыми, и все видят, что они полны семян, и их гораздо больше, чем в прошлом году.

Даже Лето удивлялось этому обстоятельству: «Действительно непонятно, кто это сделал. Может, я? Ведь это я каждый день водило солнце на

прогулку, это я иногда сгоняло сюда тучи, проливавшиеся дождём, или всё же, ну эти, как их там, шуты-шмели. Говорят, в этом году они необычайно расплодились».

В этом что-то было. Молодцовское Лето просто так не разговорилось бы. Над полями летало множество насекомых. Их гнёзда уже превратились в настоящие шмелиные города. Под мамочками выросли настоящие горки восковых горшочков, из которых вылетали уже взрослые и достаточно крупные работницы. Ночью в каждом горшочке спало множество шмелей, появившихся летом, а в новых рождались уже осенние детки.

Однако мамочки всё старели в своих гнёздах.

— Детки, — говорила каждая из них со слезами на глазах, — скоро меня не будет с вами. Я уже чувствую, что скоро за мной придёт эта зубастая с косой, и настанет время прощания. Но ничего! Из самых больших горшочков уже скоро вылетят новые девчата, новые большие и толстые мамочки, которые следующей весной заложат новые гнёзда, новые шмелиные города. И из других горшочков, которые вы так замечательно обустроиваете, вылетят пригожие парни, сильные женихи, шмелиные трутни.

И тут же все стали утирать слёзы, и все работницы сгрудились вокруг своих мамочек.

— Мамулечка, дорогая мамусенька, милая мамочка, не плачь, не печалься, ты останешься

с нами, мы тебя не отпустим, ты ничего не будешь делать, мы тебе поможем, всё за тебя сделаем, — слышалось в каждом гнезде.

Мамочки перестали плакать и сказали себе: «Наши дети так нас любят», а Анинка послала Майдаленку посмотреть, что нового произошло снаружи.

Нового было предостаточно. По Молодцову ходил господин Шалунов и каждому сообщал, что наступило славное время, великие дела происходят и ещё более великие предстоят. В Молодцово приедут редкие гости. Люди, конечно, не верили, но господин Шалунов продолжал ходить. Одному скажет одно, другому пошепчет другое, кому-то многозначительно подмигнёт, и вскоре всё Молодцово что-то знало, однако каждый знал что-то своё. Это будет потрясающе! В Молодцово через несколько дней в знак благодарности пожалует шмелиный король. Он приедет в золотой повозке, запряжённой восьмёркой белых лошадей. Впереди поедут глашатаи и будут кричать на все стороны:

— В Молодцове знают, на что способны шмели, поэтому к ним в гости едет шмелиный король.

Голова шмелиного короля будет увенчана золотой короной, а его повозка будет сиять, словно солнце. Он поедет прямо в трактир «У Жучковых», где для него уже готовят самый большой зал: моют полы, вытирают пыль со стульев, а по углам

развешивают бумажные цветы — красные, синие, жёлтые и белые тоже.

Короля необходимо достойно встретить, как и подобает. На подъезде к Молодцову должны стоять девочки с цветами, мальчики будут приветственно махать, а самодеятельный оркестрик заиграет самый красивый марш, как только покажется золотая повозка. И господин учитель будет ждать вместе со всеми.

Король станет раздавать «У Жучковых» награды. Самую лучшую получит господин учитель; и Аделку Свистулькину наградят. А тем трём парням — Казимиру, Лойзе и Пепику — подарят часы на подставке и коробку конфет на всех.

«У Жучковых» шмелиного короля поцелует самая красивая девушка. Для этого уже выбрали Филомену Копалкину, но она отказалась; вздохнув, посетовала: «Да, да, что было, то было. Слыла когда-то самой красивой, лет семь тому назад», — так что теперь не знаем, кого выбрать.

Господин учитель Ворона над этими байками смеялся и говорил:

— Пусть старший Шалунов ходит и болтает. Пусть развлекается. Я не буду ему мешать.

Итак, в ближайшее воскресенье, когда ожидался приезд шмелиного короля, пионеры — мальчики и девочки — уже стояли на дороге, господин учитель расхаживал перед ними и ровнял строй,

музыканты продували инструменты, в Молодцове все были готовы к замечательному торжеству.

Наконец вдали на дороге за клубилась пыль, и Павел Шалунов, сидевший на груше в качестве наблюдателя, замахал платком. Дирижёр поднял руку с палочкой, и музыка заиграла приветственный марш — Король едет.

— Король, король, шмелиный король, — взволнованно восклицали граждане, а когда повозка заблестела на дороге, запрыгали от радости и закричали: — Он едет к нам в золотой повозке, да здравствует король, да здравствует шмелиный король!

Золотое солнце приближалось, и теперь стало заметно, что это вовсе не золотая повозка, а обыкновенный велосипед. Человек на велосипеде старательно крутил педали, подъезжая к Молодцову, а когда подъехал, ловко соскочил и представился:

— Я директор школы Король, приехал прочитать лекцию.

— Король, Король, — шептали присутствующие. — Это настоящий Король!

И господин учитель Ворона дружески пожал гостью руку. Оркестрик заиграл новый марш, мальчики и девочки кричали: «Ура!», махали руками, платочками и букетами в радостном приветствии. Потом все построились, впереди шли музыканты, за ними — девочки и мальчики, замыкали шествие господин учитель Ворона со своим гостем. Под звуки весёлого марша все отправились прямо «К Жучковым».

К ним тут же присоединились и многочисленные зрители, которые, хлопая по спине старшего Шалунова, говорили:

— Ну ты хитрец! Ну и пройдоха же ты! Вот выдумщик! Приглашал нас на встречу со шмелиным королём, а приехал директор Король! Пойдём, послушаем, может, что-то новенькое расскажет.

Все вместе с господином Шалуновым пошли в украшенный зал «К Жучковым». Там висел транспарант: СЕГОДНЯ ДИРЕКТОР КОРОЛЬ ПРОЧТЁТ ЛЕКЦИЮ О ШМЕЛЯХ.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛ ГОСПОДИН ДИРЕКТОР КОРОЛЬ

А дело было так. На сегодняшнее воскресенье, после обеда была назначена лекция директора Короля, известного пчеловода и специалиста по шмелям. Король — просто человек, которого

очень заботила участь шмелей. Он с самого детства интересовался ими. Господин учитель Ворона уже всё подготовил для лекции, он арендовал зал и музыку, а всю эту байку со шмелиным королём выдумал известный деревенский шутник Шалунов. Но мы его простим. Жителям Молодцова всё равно было любопытно, что новенького они ещё смогут узнать о шмелях, поэтому с радостью отправились на лекцию. Хорошие мальчики — Казимир, Лойза и Пепик — вежливо рассаживали всех по местам, а родители Аделки Свистулькиной пришли нарядно одетые. Госпожа Свистулькина даже надела розовую шляпу с зелёной лентой.

— Слава Молодцову, — начал господин директор Король. — Здесь сердце каждого, кто посмотрит вокруг, забьётся чаще. Всюду заметны прекрасные урожаи и умелое хозяйствование, всюду здесь можно встретить умных людей. А если увидите поле клевера, то заметите там и шмелей. Но я, когда ехал на велосипеде, видел и грустные места. В Прищепках, представьте себе, не летает ни одного шмеля. А знаете, что этим беднякам насекомым сейчас по-настоящему плохо? Они вымирают. Слышите, слышите, шмели у нас вымирают. Многие из них погибнут зимой. Весной их начнут преследовать глупые мальчишки, а им, бедняжкам, и спрятаться некуда, потому что у нас недостаточно мест, где они могли бы построить гнёзда.

И господин директор Король стал рассказывать, как нам нужны шмели для выращивания клевера, что они помогут также и люцерне.

— Ну что ж, вы о шмелях хорошо заботитесь. А потом, вы много о них знаете. Но вы представьте, что многие люди понятия не имеют, что перед каждой зимой гибнет целое шмелиное гнездо. Только молодые самочки, сумевшие куда-то спрятаться, останутся. Это совсем не так, как у муравьёв или пчёл. Какое там! В муравейнике или улье насекомые спокойно пережидают зиму, и лишь весной снова открывают ворота своих жилищ. А вот шмели — бедолаги. Осенью их старенькая мама умирает, потом умирают работницы, умирают трутни, и из гнезда, которое опустошила безжалостная смерть, наружу вылетают только что родившиеся самочки.

Что же теперь ожидает этих упитанных жужжащих бедняжек? Вы думали, что они просто разлетятся по новым гнёздам? Как бы не так! До той поры ещё ох как далеко! Сначала они должны найти убежище на зиму.

А смогут ли они его найти? А будет ли оно надёжным? Достаточно сухим? Кое-кому всё-таки удастся спрятаться. Но вот приходит зима, а она может оказаться влажной. Губительная влага

проникает всюду. И в шмелиные убежища тоже, так что многие самочки погибнут от влаги раньше, чем зима закроет за собой дверь. Некоторые, к счастью, переживут, но если враг разнюхает, разроет землю и — ам, ам, — нет шмеля. А когда придёт весна, несколько оставшихся в живых шмелих станут искать место для гнезда.

Они большие и толстые, летают низко над землёй. Ах да! Я хотел вам сказать, если вдруг вы увидите по весне большого толстого шмеля, знайте, что это самка, которая ищет место для гнезда. Поэтому толстый шмель летает медленно, низко над землёй, как будто пьяный. Его неожиданно видят мальчишки. Ура, шмель, сейчас мы его поймем! Боже мой, ведь это никакое не геройство — поймать будущую молодую мамочку. Мальчишки бросаются вдогонку, ловят его, и шмеля нет! Сколько их потом останется для добрых дел и помощи людям? Сколько их останется для опыления? — предостерегал докладчик.

Господин директор Король распространялся о том, что шмели умеют работать быстрее, чем пчёлы, и даже могут летать в холодную погоду. В то время, когда пчёлам не хочется из-за холода вылетать из ульев, шмели летают, а для фруктовых деревьев и кустов — это неоценимая помощь.

— Шмелям теперь плохо, а могло быть ещё хуже, но для этого здесь мы, и мы поможем насекомым устроить всё, как следует. Мы узнали, что шмель

может сделать для нас, поэтому мы его пригласим, чтобы он и дальше работал на нас. Поэтому будем о нём заботиться и, больше того, постараемся придумать то, чего здесь никогда не было.

— Мы стараемся сделать так, чтобы шмели устраивали гнёзда около людей. Я мог бы вам долго рассказывать, что для этого предпринимаю.

Да, господин директор Король связан с институтом, который уже несколько лет занимается этим вопросом, даже сам производит что-то похожее на скворечники, предназначенные для шмелиных гнёзд. Каждый год в этом институте в таких «скворечниках» поселяется на зиму всё больше и больше шмелиных мамочек, а некоторые, те, кто поумнее, строят там гнёзда.

— Боже мой, вот это терпение! Святая простота! — всплеснул руками господин директор Король. — Ведь в любую минуту какой-нибудь шустрый шмель может улететь, куда ему вздумается. Только некоторые там остаются.

Зато какое прекрасное будущее готовил всем этот «шмелевод»-подвижник. Представьте себе, что ему удастся приучить к институтским «скворечникам» несколько шмелей. В этом году у него перезимовала почти тысяча шмелиных самочек. Представьте себе, что через какое-то время шмели его послушаются, ну, хоть самую малость, и у него появится хотя бы сто шмелиных «сквореч-

ников», в которых самки создадут гнёзда. Шмелей тогда будет больше, чем тысяча. А в Дальних Торопыгах, например, имеются огромные поля клевера и люцерны. Что торопыгинцы сделают? Ещё до того, как поля начнут цвести, они позвонят директору института, господину Самоотверженному: «Пошлите нам, пожалуйста, почтой, поездом, машиной или самолётом двадцать или сорок шмелиных гнёзд с трудолюбивыми работниками, у нас тут дел выше крыши». Господин Самоотверженный спустится в шмелиный питомник, выберет сорок наполненных «скворечников» (по доброте сердечной добавит ещё один), и над Торопыгами вскоре зависнет вертолёт. Он сядет прямо в деревне, пилот спросит, где найти председателя кооператива. О да, он только что тут был, а теперь уже в саду, ловит поросёнка, сбежавшего из загона. Пилот подождёт немного, и председатель через минуту воскликнет:

— Прекрасно, наконец-то дождались. Я-то думаю, что это там тарахтит, решил, что у меня в ушах шумит, а нам, оказывается, шмелей привезли!

Ещё в тот же день члены кооператива укрепят шмелиные «скворечники» на подготовленные шесты в разных местах, откроют шмелям дверцы, и шмелиные семьи тут же начнут работать. Собирать нектар, а главное — опылять. К счастью,

в этом году поля ничем не посыпали. Ведь из-за порошка многие шмели могли отравиться.

Вот повезло клеверу и люцерне в Торопыгах! Будет столько семян! А осенью? Когда родятся мамочки — в каждом скворечнике приблизительно пятьдесят, а в некоторых в пять раз больше, — разлетятся по окрестностям, и все будут искать место для зимовки.

Но и об этом в Торопыгах подумали. Члены кооператива тут и там посеяли то, что не только необходимо им, но и придётся по вкусу шмелям, они не поджигали межи, чтобы не погубить ни одной зимующей мамочки, зато основали на подходящих местах специальные небольшие парки, чтобы шмели имели возможность на будущий год построить добротные гнёзда. Кое-где даже поставили деревянные улья, потому что некоторые шмели уже научились сами туда залетать, и будущие шмелиные мамы скажут: «Смотрите, в Торопыгах подготовили для нас землю обетованную! Здесь мы и перезимуем!» Значит, следующей весной в деревне будет столько шмелиных гнёзд, что можно будет заказывать их уже гораздо меньше.

Вы думаете, что господин Самоотверженный останется в одиночестве? Появятся другие институты, где воспользуются его опытом разведения шмелей. А кому будет нужно, тот в такой институт просто позвонит. Например, если сын господина Проспалова не захочет вставать в школу,

папа позвонит в ближайший институт: «Пожалуйста, срочно пришлите мне одного шмеля с приличным жалом, сын не хочет вылезать из перин. Но только срочно». Через полчаса приедет на мотоцикле курьер с маленькой коробочкой, и мальчик тут же с воплем вылетит из кровати, а курьер, вернув шмеля домой, получит за работу несколько сигарет.

Ну хорошо, эту историю с господином Проспаловым директор Король выдумал, как достойный пример. А вы подумайте, как будет замечательно, если шмели привыкнут к настоящим ульям. Это уже не будут дикие неуправляемые насекомые или даже вымирающие, они станут домашними, начнут слушаться человека и служить ему. Людям всё это под силу, они смогут, если очень постараются.

— А, кроме того, мы будем точно знать, как на самом деле шмели строят

гнёзда, потому что, — тут господин директор понизил голос до шёпота, — как написано в древних книгах, всё это только небылицы.

О НЕВЕСТАХ, ЖЕНИХАХ И ОКОНЧАНИИ ИСТОРИИ

— И то, что он рассказывает, тоже небылицы. Я не верю ни единому слову, — волновался старый сорокопут, сидевший на телеграфных проводах над трактиром «У Жучковых», который всё слышал через открытое окно. — Так расхваливает шмелей... Голову даю на отсечение: всё это ложь!

— Но, папа, а что, если его и правда целое шмелиное гнездо послушалось? — робко возразили пятеро молодых сорокопутов, которые послушно сидели рядом с отцом.

— Не верьте ему, не слушаются его шмели. Шмели — это вообще бандиты. Я вам могу рассказать, как меня однажды шмель надул и, собственно... — Тут сорокопут вспомнил, что сегодня об этом уже дважды рассказывал детям. — Ну, просто... Сейчас я ничего вам рассказывать не буду, но говорю вам...

В это время «У Жучковых» открылись двери, и участники встречи начали выходить. Некоторые выглядели удивлёнными, некоторые вполне довольными, некоторые что-то оживлённо обсуждали. Вышли и наши исправившиеся мальчики, кото-

рые рассаживали пришедших, они держались за руки. Взглянув на провода, увидели, что там сидят семь сорокопутов. (В это время к ним как раз подлетела мама-сорокопут.)

— Вы всё ещё тут сидите? — всплеснула она крыльями. — Я столько сил потратила, чтобы хоть что-то приготовить вам к обеду, давным-давно дожидаясь вас дома! Хотя бы посмотрите, какую большую жужелицу я насадила на колючку!

Сорокопуты послушно спустились вниз и полетели к своим колючкам. Никто из них уже не увидел розовую шляпу госпожи Свистулькиной и, конечно, не слышал, как самодеятельный оркестр сыграл для расходившейся публики ещё один замечательный марш.

Разумеется, на лету они не заметили молодую шмелиную самочку, которая перед гнездом Аники причёсывала свои красивые, свежие лапки. Она причёсывала ручки, причёсывала ножки, расчёсывала свой чубчик и усики. «А почему бы и не причесаться! Я хочу быть красивой! Чтобы понравиться жениху, если я его вдруг встречу».

Но она могла и не стараться. Молодой самочке, только сегодня вылетевшей из просторной ячейки,

не пришлось долго ждать, чтобы кого-нибудь встретить. В воздухе послышалось жужжание небольшого шмеля, и жених (как и положено, он был намного меньше невесты) из чужого гнезда уже сидел возле неё. Это был новорождённый трутень, более миниатюрный, нежели невеста, но красавец — просто загляденье.

— Какое счастье, барышня, что я вас встретил. Ведь я искал вас всю жизнь, — начал красавчик.

— Бросьте, что вы тут сказки рассказываете обо всей жизни, вы же только вчера родились, — хихикнула прелестная барышня.

— Совершенно верно, — не поддавался красавчик. — Конечно, конечно, вы правы, но я хотел бы летать с вами рядом всю жизнь.

— Ишь вы какой! Не получится. Я должна буду куда-нибудь спрятаться и всю зиму провести в полном одиночестве. Вы можете замёрзнуть, — уклончиво ответила барышня, водя ножкой по траве.

— Знаете что? Давайте сейчас полетаем вместе. Ну, хотя бы немного, и поболтаем. Я сегодня утром видел на лугу цветущий чертополох. Посмотрим? Я вам покажу самый крупный! — продолжал соблазнять трутень.

Чертополох! Полный сладкого сока! Так что, перестав жеманиться, они полетели к лугу.

— Смотрите-ка, у неё уже жених, — с завистью шептались сёстры молодой девушки. Они сами

только сегодня вылетели из гнезда, но уже к вечеру — поглядите на них! — каждая летала под ручку с каким-нибудь симпатичным трутнем. Над чертополохом их кружилось полным-полно! Стоял чудный осенний день. Барышни-шмели вечером вернулись домой, и никто даже подумать не мог, что на другой день погода испортится.

И действительно. Уже утром с неба упало несколько капель, как будто кто-то начал плакать, будто упало несколько слезинок.

Откуда они, собственно, упали? Из туч или из гнезда Анинки?

Там сегодня тоже плачут. Там плачут все, и очень искренне. Произошло ужасное несчастье — умерла Анинка. Бедняжка заботилась обо всех, не жалея себя, искала пропитание, чтобы выросли первые работницы, а теперь лежит здесь, глаза закрыты, лапки вверх, холодная и недвижимая, совершенно мёртвая. Работницы

плачут и причитают, Майдаленка уже просто не в силах плакать, лишь новые большие и толстые самочки, которые только вчера родились, растерянно шмыгают носами и вытирают глаза. Они её почти не знали, но всё-таки это была их мама. Ведь они сами будут мамочками — на будущий год им закладывать своё гнездо.

Майдаленка плакала горше всех. Боже мой, она была уже такая старая! Майдаленка осталась одна, все её первые сёстры уже давно похоронены, она уже сморщилась, как печёное яблоко. Самая настоящая старушка: подбородок трясётся, плохо видит, почти ничего не слышит, а в последнее время её должны были кормить, потому что самой ей уже было не прокормиться. Но все за ней ухаживали с большой любовью, ведь и мама любила Майдаленку больше всех.

Похороны были торжественными, а как же иначе?! Анинка — мама такого количества детей! И оратора заказали... Речь произнёс коричневый, взлохмаченный, молодой, только что рождённый трутень из гнезда шмеля лугового, он говорил так, что все плакали. Говорил о том, какая Анинка была замечательная, какая трудолюбивая (об этом он узнал от родственников), но после похорон попросил её детей:

— У нас сегодня тоже умерла мама, пожалуйста, не могли бы вы прийти к нам?

Что делать? Все, кто был у Анинки, отправились на другие похороны. Только Майдаленка отсутствовала. Она, бедняжка, такая старенькая, лежала дома в постели почти без движения. После полудня её вынесли, и добрый муравейчик, который выкопал могилу, её и закопал. Все пошли на похороны к Луговым. Муравей тоже, и только процедура закончилась, все переместились к Каменным.

Боже ты мой! Осенью в шмелиных гнёздах происходили сплошные похороны.

— Всего хорошего, солнышко; всего хорошего, ветер; всего хорошего вам всем, цветочки, на которых мы паслись, — грустно улыбались последние работницы. — Добрый муравей, готовь лопату!

И добряк-мураш начинал копать.

— Адьё, прекрасный мир, адьё, радости жизни, — восклицали легкомысленные трутни. — Нам было хорошо здесь, помните о нас, но не поминайте лихом! — И добрый муравей продолжал закапывать.

Остались только молодые самочки, чтобы продолжить начатое старшими: разлететься, прези-

мовать... А те, кому это удастся, которые выживут, в следующем году заложат свои гнёзда.

Шмели разлетелись по окрестностям. Это видели мальчишки, но никого не тронули. Видел это и старший Шалунов. Он снял шляпу и почтительно поклонился:

— Будьте здоровы, дочери Анинки. Желаю вам самых счастливых дней. Теперь мы про вас всё знаем, не правда ли?

Но дочери Анинки не обращали на него внимания и летели дальше. Их видел и старый сорокопут. Он нахмурился, но не сказал ничего. Только подумал, что вечером он должен будет рассказать, как его однажды здорово надул какой-то шмель.

Потом вышла газета молодцовских пионеров. Они сами писали туда, и Аделка Свистулькина со своим образцовым почерком пришлась кстати. Прежде всего там была серьёзная статья, полная иностранных имён и загадочных цифр; статья повествовала о реактивных самолётах. Потом — торжественное стихотворение Властимила Вождёва «Эй, пионеры!», в котором вразбивку рифмовались две строки. Была там также очень смелая и острая статья «Господин N, говорите лучше правду!». Каждый, кто её читал, сразу понял, что статья направлена против старшего Шалунова, который всем втирал очки по поводу шмелиного короля, но мало кто из посвящённых знал, что всё это придумал Павел Шалунов.

В конце было ещё несколько мелких сообщений, которые все читали с большим удовольствием.

Там писали, что Филомена Копалкина приглашена на радио спеть несколько старинных песен нашего края, которые помнила только она. Писали там о детях из верхней части посёлка, отличающихся хорошим поведением и вежливостью. Потом о Вашеке Трещалкине, который собирает коллекцию камней. (Если вы увидите, что мальчик тащит страшно тяжёлый ранец, так это точно Вашек Трещалкин с новым камнем.) Там же можно было прочитать, что кончилось время шмелиных гнёзд. «Им было хорошо у нас, они будут, конечно, об этом вспоминать, — писали в газете. — Мы хорошо знаем, что шмели это, разумеется, заслужили. Подождите, в следующем году мы к вам будем относиться ещё лучше и будем любить вас ещё больше. Будем радоваться каждому шмелиному гнезду. Ведь шмели такие хорошие, такие красивые, теперь все станут их охранять. Что вы об этом думаете, дорогие читатели? Вы согласны с нами?» — заканчивалась статья вопросом.

Даже спрашивать не надо. Все читатели с этим согласились. Шмелям у нас живётся несладко, им необходима чья-то разумная защита. А кто здесь разумный? Вы? Вы? Ты? Или ты, девочка, которая всё это читала или слушала? Ну конечно, вы все разумные, я уже заранее знаю, что шмели у нас

будут себя чувствовать, как школьники во время каникул. А это кое-что значит!

Шмели тоже поговорили между собой. Самую красивую самочку, которая в следующем году будет летать в поисках подходящего места для гнезда, будут звать Анинка. Каждый её узнает по имени. Люди будут говорить: «Ой, смотри, там Анинка!», «Сегодня мы видели красавицу Анинку!», «В нашем саду Анинка заложила гнездо!» А её первую дочь назовут Майдаленкой. Я думаю, почти каждая мама, у которой дочь будет хорошо себя вести, похвалит её: «Ты такая же замечательная, как Майдаленка!»

И эти имена сохранятся навсегда. В Молодцове, а возможно, где-то ещё.

Может, и вы увидите кого-то из шмелей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОЯВЛЕНИЕ БОЛЬШОГО НАСЕКОМОГО

Зимний сон, или Как всё начиналось	5
О том, как красиво было снаружи, и о четырёх учениках	8
Что рассказал господин учитель, и как шмель получил имя	11
В самом деле — это она, и что ей приснилось	18
О трёх глупцах, появившихся холодным утром	24
Во врагах недостатка нет	28

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

Удивительное таинство, происходившее в гнезде Анинки	33
О прогулке на Козью Горку и беде анютиных глазок	39
Гость возле гнезда, и новый страшный сон	45
Как достраивали гнездо	48
Как много работы, а сколько ещё предстоит!	50

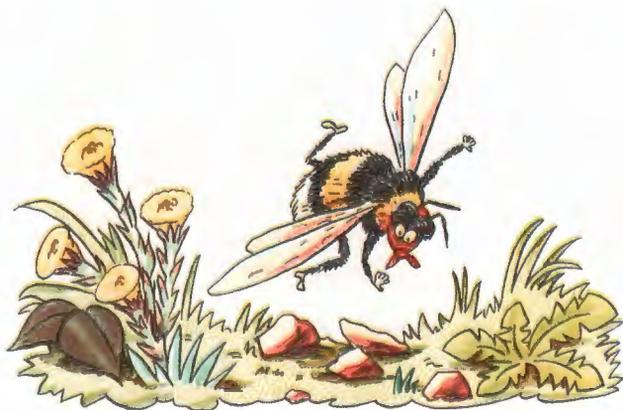
Такой маленький, совсем малюсенький шмель	56
Что узнала Майдаленка в школе, и новый мёд муравьишки	58

В МОЛОДЦОВЕ ВСЁ ПОНЯЛИ

О долгом собрании «У Жучковых»	63
Злые мальчишки и хороший муравьишка	65
Хитрый план и новый сон Анинки	72
Большая битва на склоне	81
Фотография троих господ и миф Анинки	88
Что случилось с троими господами в лесу На горочке	98
Упражнения в кустарнике и совещание пионеров	104
Замечательные соревнования в Молодцове	111

ТУК, ТУК, ТУК! ЭТО ОСЕНЬ

Что сказала лето, что — мамы и что — господин Шалунов	118
О чём рассказал господин директор Король	124
О невестах, женихах и окончании истории	132

*Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста*

Ондржей Секора Шмель Анинка

*Директор издательства Светлана Гофман
Главный редактор Екатерина Аксёнова
Выпускающий редактор Марианна Прангишвили
Корректоры Олег Пономарёв, Оксана Другова, Олег Леднев
Дизайн шрифта на обложке Александр Быков
Вёрстка Елены Бузиной
Издатель Вадим Мещеряков*

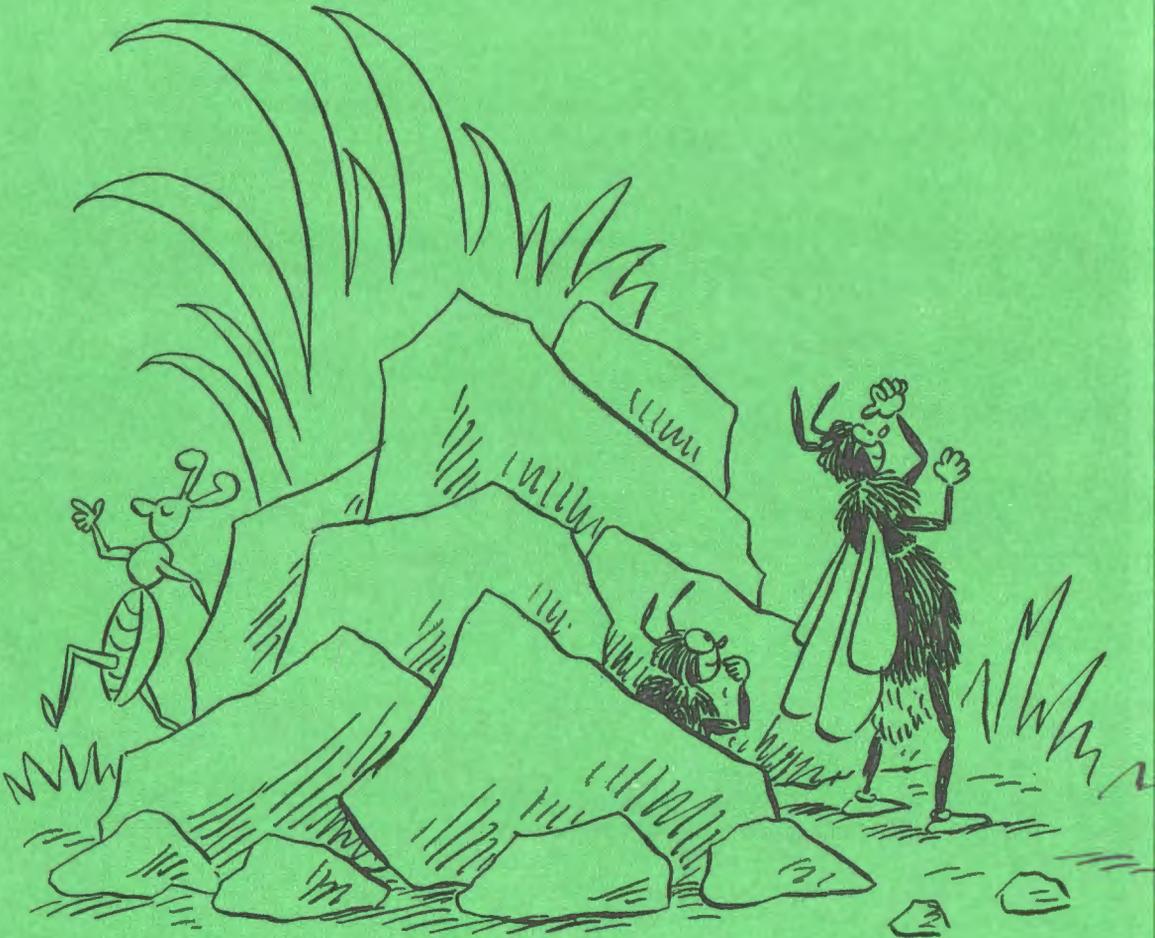
*Директор Группы компаний
«Издательский Дом Мещерякова»
Ася Мещерякова*

*Подписано в печать 18.09.2017.
Формат 70 x 100 1/16.
Гарнитура FreeSetC. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,7.
Тираж 6 050 экз. Заказ № 899.*

*Издательский Дом Мещерякова
119270, Москва, Лужнецкая наб., д. 2/4, стр. 17.
Телефон: (495) 639-93-49.
idm@idmkniga.ru
idmkniga.ru*

*Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: (343) 221-29-17.
E-mail: book@uralprint.ru*

6+
EAC

1302

mob.екатеринбург.рф

10127950

